ОБЩЕСТВО И ЦЕННОСТИ

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ В 2005 ГОДУ

КТО МЫ, КАК МЫ ОСОЗНАЕМ И ПОНИМАЕМ СЕБЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ США / БЮРО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ

ОБЩЕСТВО И ЦЕННОСТИ

Редактор ..... Стивен Лаутербах
Ответственный редактор ..... Нил Клопфенстайн
Художественный редактор ..... Тадеуш А. Миксински
Фоторедактор ..... Барри Фицджеральд
Помощник редактора ..... Кэти Шпигель
Координатор программ ..... Трейси Р. Нельсон

Издатель ..... Джудит С. Сигел
Исполнительный редактор ..... Гай Э. Олсон
Директор производства ..... Кристиан Ларсон
Помощник директора производства ..... Сильвия Скотт

Редакторы русского выпуска ..... Наталия Барбаш
..... Лидия Воронина

РЕДКОЛЛЕГИЯ
Джордж Клэк Кэтлин Р. Дейвис Пегги Ингленд
Александр Фельдман Фрэнсис Б. Уорд

Только что натурализованные граждане США размахивают флагами на праздничной церемонии после принятия присяги на гражданство в Лос-Анджелесе, Калифорния, 25 июля 2003 года.

Бюро международных информационных программ Государственного департамента США издает пять электронных журналов – «Экономические перспективы», «Глобальные проблемы», «Вопросы демократии», «Внешняя политика США» и «США: общество и ценности». Они посвящены анализу основных проблем, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты и международное сообщество, а также анализу общества, ценностей, идей и институтов США. Каждый из журналов имеет выходные данные: том, соответствующий числу лет от начала издания, и номер, соответствующий очередному номеру журнала, издаваемого в текущем году.

Новый журнал издается ежемесячно на английском языке, а через 2–4 недели выходит в переводах на испанский, португальский и французский языки. Отдельные номера публикуются также на арабском и русском языках.

Мнения, высказываемые в этих журналах, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США. Государственный департамент США не несет ответственности за содержание сайтов Интернета, на которые есть ссылки в журналах, или доступ к таким сайтам; эту ответственность несут их издатели. Журнальные статьи, фотографии и иллюстрации можно воспроизводить и переводить за пределами Соединенных Штатов, если материалы не сопровождаются четким указанием на ограничения, налагаемые авторским правом. В последнем случае необходимо получить разрешение у владельцев авторских прав, упомянутых в журнале.

Текущие или предыдущие номера журналов, а также анонс будущих журналов можно найти в нескольких электронных форматах на странице Бюро международных информационных программ в Интернете “http://usinfo.state.gov/journals/journals.htm”. Комментарии и замечания направляйте в посольство США в вашей стране или в редакцию по адресу:

Editor, eJournal USA: Society & Values
IIP/T/SV
U.S. Department of State
301 4th St. S.W.
Washington, D.C. 20547
United States of America
Адрес электронной почты: ejvalues@state.gov

ОБ ЭТОМ ВЫПУСКЕ

Соединенные Штаты в 2005 году – кто мы, как мы осознаем и понимаем себя сейчас, что представляем собой в своих собственных глазах? Поскольку граждан США почти 300 миллионов, на этот вопрос есть миллионы ответов. В этом выпуске журнала редакция попыталась сделать почти невозможное: на пятидесяти страницах рассказать о том, какие люди живут сегодня в Соединенных Штатах. Впрочем, несколько вещей мы можем сказать точно.

Соединенные Штаты растут, и население страны становится все более разнообразным. Сейчас сюда прибывают люди практически из всех уголков земного шара. Действительно, языки, на которых говорим мы, американцы, места, где мы совершаем богослужения, и блюда на наших столах – это весь мир в миниатюре. Мы дорожим нашей свободой и нашей уникальностью и уверены, что наши дети будут жить лучше. В то же время мы страстно спорим друг с другом о том, как сохранить эти свободы, каким образом выразить нашу неповторимую индивидуальность и как гарантировать, что завтрашний день будет лучше, чем сегодняшний. «Американец» – очень широкое понятие, и мы пользуемся им повсюду. Стать американцем – значит принять определенную систему идеалов и вести определенный образ жизни, а не воплощать в себе особенности той или иной этнической группы, религии или культуры. С другой стороны, хотя наше общество чрезвычайно мобильно, для нас важна связь или привязанность к месту, часто к району или городу, в котором мы выросли.

В этом выпуске журнала сначала рассказывается об основных характеристиках и ценностях, которые лучше всего определяют американцев. В первой статье культуролог Марк Пактер описывает, как эти характеристики и ценности, не будучи исключительно американскими, сливаются в Соединенных Штатах в нечто единое, что можно назвать уникальной американской идентичностью или американским самосознанием. Затем Одри Сингер анализирует новейшие демографические данные о состоянии Соединенных Штатов в 2005 году. Далее мы знакомимся с шестью американцами. Некоторые из них хорошо известны, а некоторые – нет. В этих коротких зарисовках мы хотели показать разнообразие американцев, их повседневную жизнь и то, что для них важно. Затем мы переходим к некоторым злободневным проблемам, которые, на самом деле, традиционные и не прекращают обсуждаться с момента образования американского общества. Парадоксально, но факт: наше уважительное отношение к личности и ее праву свободно и страстно высказывать свое мнение по спорным вопросам – одна из главных причин того, что наша страна свыше 200 лет остается единой. В заключение мы приводим рассказы двоих людей, которые посетили родные места много лет после того, как их покинули. Один не может узнать место, которое он называл домом, а для другого мало что изменилось. Ряд боковых врезок иллюстрирует ценности, характерные для нашей страны на протяжении всей ее истории.

Соединенные Штаты в 2005 году – кто мы, как мы осознаем и понимаем себя

3 АМЕРИКАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИЛИ АМЕРИКАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Марк Пактер, директор Национальной портретной галереи при Смитсоновском институте

Автор анализирует «прочный общественный договор», лежащий в основе Соединенных Штатов, и утверждает, что современные дебаты в стране об американских ценностях представляют собой не отказ от них, а проверку их применимости в меняющихся условиях.

КТО МЫ ТАКИЕ

9 МЕНЯЮЩЕЕСЯ ЛИЦО АМЕРИКИ

Одри Сингер, специалист по вопросам иммиграции, Институт Брукингса

Скорость и разнообразие современной иммиграции быстро меняют этнический состав населения США, и американцы все чаще определяют себя в мультирасовых категориях. Врезка «Кто может быть гражданином США» поясняет, почему американское гражданство выходит за пределы этнических границ.

15 КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Наши корреспонденты в разных регионах рассказывают о шести гражданах, чьи личные судьбы рисуют широкую, но далеко не полную картину Соединенных Штатов в 2005 году. Представлены самые разные рядовые американцы, а также несколько человек, которые, возможно, уже вам знакомы.

- Хибба Абугидейри: профессор университета
- Энес Элезович: студент колледжа
- Стивен Джонсон: бизнесмен
- Колин Пауэлл: военный и государственный деятель
- Рени Слейтер: священнослужитель
- У. Ричард Уэст: директор музея

СОХРАНЯЯ ЕДИНСТВО

Несмотря на горячие дебаты по политическим, религиозным и социальным вопросам, которые являются неотъемлемой частью американского общества с момента его основания, Соединенные Штаты продолжают оставаться соединенными штатами.

24 ПО-ПРЕЖНЕМУ «ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ»? ДА.

Алан Волф, профессор политологии Бостонского колледжа (штат Массачусетс), директор Центра Бойси, занимающегося изучение религиозных и социальных проблем

Сталкиваясь с таким разнообразием, некоторые начинают утверждать, что у американцев нет общей культуры. Они ошибаются.

29 ДЕБАТЫ ОБ ИММИГРАЦИИ

Майкл Барон, корреспондент «Ю.Эс. ньюс энд уорлд рипорт», и Виктор Хансон, научный сотрудник Гуверовского института

Предлагаются разные мнения о последствиях современных тенденциях иммиграции в Соединенные Штаты.

СНОВА ДОМОЙ

37 ДОЛИНА В КАЛИФОРНИИ

Джеймс Хьюстон, писатель

Жилые дома и электронные фирмы пришли на смену сливовым садам и другим культурам, которые прежде выращивали здесь люди, в том числе и отец автора, а волны иммигрантов превратили калифорнийскую долину Санта-Клара в богатую смесь разных культур.

41 ГОРОДОК В ЗАПАДНОЙ ВИРДЖИНИИ

Генри Луис Гейтс, профессор Гарвардского университета, директор Института афро-американских исследований У. Э. Б. Дюбуа

В статье, перепечатываемой из одного из прошлых выпусков нашего журнала, автор рассказывает о том, как он рос в Пидмонте (штат Западная Вирджиния). А корреспондент Марк Джейкобс пишет о том, как обстоят дела в этом промышленном городке в Аппалачах сегодня.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

46 БИБЛИОГРАФИЯ

47 РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТА

АМЕРИКАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИЛИ АМЕРИКАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Марк Пактер

Автор анализирует «прочный общественный договор», который лежит в основе Соединенных Штатов Америки и определяет жизнь общества и культуры в стране. «С самого начала в русле главного направления американской политической жизни утопизм практически отсутствовал, и не было никаких более менее четких представлений об идеальном государстве или идеальном человеческом состоянии, которые должны строиться путем целенаправленного социального планирования, – пишет он. – Вместо этого склад сознания американской нации обуславливался общей устремленностью вперед, становлением, ничем не ограниченным свершением жизни». Здесь особенно показательны некоторые понятия, такие как «свобода», «индивидуализм», «мобильность» и «прагматизм», смысл которых отвечает американскому духу«. Идущие ныне в стране дебаты об американских ценностях представляют собой не отказ от них, а проверку их применимости в более широком контексте. Для американской демократии вопрос о соотношении между равенством и свободой всегда оставался трудноразрешимым.

Марк Пактер – директор Национальной портретной галереи Смитсоновского института в Вашингтоне. В прошлом заместитель помощника секретаря по внешним связям в Смитсоновском институте, Пактер написал и отредактировал несколько книг и участвовал в многочисленных программах по вопросам американской культуры и истории на радио и телевидении. *Эта статья перепечатана с сокращениями из книги «Культурное самосознание Северной Америки: в поисках сообщества», под редакцией Роберта Л. Эрля и Джона Д. Вирта (“Identities in North America, The Search for Community, edited by Robert L. Earle and John D. Wirth.* *Copyright © 1995 by the Board of Trustees of Leland Stanford Jr. University”). Все права сохраняются. Использовано с разрешения Издательства Стэнфордского университета, www.sup.org.*

Чтобы понять политическую активность, пронизывающую Соединенные Штаты, надо это видеть воочию. Как только ступаешь на американскую землю, сразу ошеломляет некая суматоха; Невозможно тратить больше сил в поисках счастья.
– Алексис де Токвиль,
«Демократия в Америке»

Президент Джордж У. Буш стоит вместе с 29 людьми, только что получившими американское гражданство, у статуи Свободы на острове Эллиса в Нью-Йорке. (АП Фото/Род Эдмондс)

Попытки определить суть американского общества часто начинаются с цитаты из шедевра 19-го века – труда Алексиса де Токвиля *«Демократия в Америке»*. Примечательно, что книга, написанная о стране, которая считается постоянно меняющейся, безжалостно современной и начисто лишенной чувства традиции, была написана больше 150 лет назад, но до сих пор остается точной и актуальной. Еще удивительнее то, что исследование Токвиля о народе преимуществен-

но сельском, протестантском и англо-саксонском (и порабощенных афро-американцах) применимо по отношению к городской, индустриальной и мультикультурной стране, где сегодня проживают сотни миллионов людей.

Если наблюдения, сделанные в первой половине 19-го века, все еще применимы к Соединенным Штатам начала 21-го века, разумно предположить, что существуют прочные сущностные характеристики американского общества. Но для того чтобы их понять, надо отличать американское представление о нации от представлений традиционных обществ, которые определяют себя, беря за основу узы веры, этноса и исторической памяти. Чтобы говорить об американском самосознании, необходимо переосмыслить, что именно сплачивает общество в определенную нацию и составляет национальную культуру.

Понятие американца, по определению гражданина, принятого в Соединенных Штатах, не предполагает родовой связи с социальной общностью или с ее преобладающими этническими культурами или религиозными традициями. Американцы, как отдельные люди, могут принимать участие в самых разных исторически существовавших или существовующих культурах, но объединяет их друг с другом нечто совершенно иное. В основе их национального самосознания, их ощущения себя американцами, лежит прочный общественный договор и приводимый им в движение мощных культурный процесс. Задача предлагаемого очерка – ухватить смысл этого договора и эволюцию этого процесса.

Выбор и ответственность

Принадлежность к национальной общности требует только решения стать американцем – политического решения, которое содержит в себе и моральный аспект. Все американцы, в том числе родившиеся в стране, считаются американцами по выбору, а не просто по историческому наследию. Пристрастие к «выбору» – может быть и есть главная опора и ценность нашего общества. Оно связано с активным режимом свободы и предполагает не только отсутствие политических или экономических ограничений, но и возможность выбирать из широкого набора возможностей. В самом тривиальном своем проявлении культура воплощает эту ценность в распространении бесконечного и часто бессмысленного разнообразия товаров потребления.

На более глубоком уровне пристрастие к выбору – это память о том, что удалось выйти из жизненного тупика в тех старых культурах и создать в Новом свете жизнь, которую человек сам выбирает для себя. Многие американцы повторяют эту миграционную схему буквально, переезжая в западные штаты, или символически – в своей профессиональной или общественной деятельности, стремясь к новым начинаниям, предпринимая новые попытки. И хотя трагический опыт американских индейцев и афро-американцев долго оставался укором для национальной идее выбора, они тоже стали требовать права быть хозяевами своей судьбы и наравне с другими пользоваться возможностями, которые считаются прирожденным правом американцев.

Америка верит в самостоятельность и чтит людей, которые сами добиваются всего, причем теперь это относится не только к мужчинам, но и к женщинам. В основе этой веры лежит убежденность в том, что унаследованные условия и предки гораздо менее важны, чем направление, которое человек выбирает для себя сам, и усилия, вкладываемые в реализацию этого выбора. Герои Америки приходят из ниоткуда и всего добиваются сами. За исключением представлений о стойких расовых корнях, о которых мы поговорим ниже, американцы считают, – в применении к самим себе и другим людям – что корни могут обогащать их жизнь, но не определять их судьбы.

Эта концепция социальной и экономической свободы воли, несмотря на всю свою освобождающую силу в качестве посылки и идеала, налагает на личность бремя ответственности за свою судьбу. В обществе, находящемся в постоянном состоянии становления, нет социальных и экономических абсолютов и нет скидки на неспособность улучшить свою жизнь, какой бы ни была причина. Когда вдруг человеческие устремления теряют импульс и достижение процветания становится проблематичным, американцы считают такое положение вещей искажением естественного порядка вещей.

Пристрастие к выбору не только выступает двигателем американского индивидуализма, но и корректирует эгоистическое поведение. С точки зрения более традиционных обществ, американцы могут казаться нацией разрозненных индивидов в социальном «свободном падении», но на самом деле они не искоренили чувство социальной ответственности. Они просто изменили его характер – оно перестало автоматически наследоваться индивидом.

Американцы постоянно становятся членами самых разнообразных обществ, активно занимаются волонтерством и благотворительностью. Они принимают обязательства в связи с их свободным выбором, тем самым, заставляя работать свой собственный индивидуализм в общественных целях. Если европейцы, азиаты, африканцы и латиноамериканцы удивляются отсутствию больших семей с многочисленными родственниками, родовых связей и классовой верности в Соединенных Штатах, то, в свою очередь, американцы удивляются тому, что они называют мелочным нежеланием представителей традиционных культур использовать внерелигиозные и внесемейные возможности волонтерской работы и оказывать финансовую поддержку добрым делам.

Эклектика как ценность

Американское общество сочетает этику выбора с бесконечным разнообразием традиций, идей и возможностей. Смесь народов и обычаев, с которой сталкиваешься в повседневной американской жизни, и пережитый большинством общин в эмиграции резкий разрыв с родиной привели к практике проб, заимствования и переплетения стилей, ритуалов и, прежде всего, кухни. Эта эклектика, которая может казаться хаотичной с точки зрения других культур, исторически более единообразных, в Америке становится ценностью и знаком жизненной силы. Именно это, в конечном счете, придает национальную форму многим произведениям литературы и искусства страны. Американские художники, писатели и архитекторы считают своим исключительным правом выбирать элементы как во внешних, так и внутренних культурных традициях и комбинировать их в новое, подлинно американское, целое.

Динамика, лежащая в основе американской системы ценностей, убеждений и самосознания, нашла свое самое лирическое раннее выражение в «неотъемлемых правах» всех людей, в которые Декларация независимости (в 1776 году) включила «жизнь, свободу и стремление к счастью». Не на счастье для своих соотечественников и всего человечества претендовал автор Декларации Томас Джефферсон, а на «стремление» к нему. С самого начала в основном потоке американской политической жизни было очень мало утопизма, практически не было представлений об идеальном государстве или идеальном человеческом состоянии, которое должно строиться путем социального планирования. Вместо этого национальное воображение стимулируется состоянием стремления и становления, опытом осуществления самой жизни без каких-либо препятствий. Показательны слова, волнующие американцев: «свобода», «мобильность», «индивидуализм», «возможность», «энергия», «прагматизм», «прогресс», «обновление», «конкуренция». Это не сухие описательные слова, они взывают к американскому духу.

Билл Клинтон выбрал в качестве лозунга своей успешной президентской кампании 1992 года одно из самых памятных слов в американском лексиконе – «перемены». Привлекательность перемен в американской культуре отчасти коренится в надежде на то, что любая перемена принесет улучшение. Но оптимистический расчет на то, что перемены означают прогресс, сам по себе гораздо менее важен, чем прочная тенденция не любить или даже побаиваться постоянства во власти или политике. В ходе дебатов об утверждении предложенной Конституции Томас Джефферсон предостерегал, что даже предоставление президенту права занимать эту должность более одного четырехлетнего срока без гарантированной ротации может привести к тому, что он станет практически «пожизненным должностным лицом». Опасение Джефферсона было основано на фундаментальном американском постулате: суверенитет принадлежит народу и лишь временно и условно передается должностному лицу.

Ограничения власти

Динамичный, антагонистический характер американского процесса предназначен для создания гарантий от укоренения власти. Ни одной партии, ни одному лицу нельзя доверять власть на слишком долгий срок. Люди подвержены коррупции, политика утрачивает новизну. Когда одна партия слишком долго занимает Белый дом, в электорате возникает беспокойство. Никакой набор идей или лидеров не обеспечит его верность надолго. Именно динамизм самой системы приносит американцам то, что им нужно и чему они доверяют: баланс сил, выявление истины путем сомнения и разоблачения, напоминание об искушении и опасности власти, о пользе перемен, роста и экспериментирования, и не в последнюю очередь, об обаянии свежих начинаний.

Как ни парадоксально, Америка обеспечивает преемственность, отстаивая перемены, а стабильность – допуская конфликты. Это не просто привычка, связанная с застарелой электоральной традицией, а стратегия, встроенная в структуру власти как таковую. Историк Майкл Каммен описал систему, приведенную в действие творцами Конституции в 1789 году, как систему «конфликта в рамках консенсуса». Как формулирует другой историк, Маркус Канлифф: «Они намеренно заложили в документ трение между сторонами как гарантию от коррупции и диктатуры». Разумеется, это не формула эффективности. Если технология и менеджмент в Америке провозглашают идеалом эффективность, то политическая культура страны формирует глубокое недоверие к долгосрочному планированию, сосредоточению власти, слишком гладкому принятию государственных решений. Конституционная власть сознательно препятствует унифицированным действиям разделением полномочий и системой сдержек и противовесов. Эта политическая система может привести и действительно приводит к конфликтам, разочарованиям, а порой и к безвыходным положениям в отсутствии компромисса, достойного государственных деятелей, или совместимости политической философии в системе исполнительной, законодательной и судебной власти. Но она также практически обеспечивает гарантию от узурпации власти.

Политическая система также способствует сбалансированным действиям федеральных, региональных и муниципальных властей, что приводит на национальном уровне к сильному нежеланию устанавливать обязательную политику во многих областях. В Соединенных Штатах

нет единой системы образования, нет министерства культуры и до сих пор нет системы здравоохранения, управляемой непосредственно из Вашингтона. Политика по этим и другим вопросам формируется, в основном, путем убеждения, координации, создания коалиций и с помощью переговоров между партиями, избирателями, заинтересованными группами и регионами. Очень важную роль играет крупный частный сектор, который отражает свободную энергию открытого рынка идей, программ и ресурсов. Наконец, еще одно действующее лицо политического процесса – это недоверчивая пресса.

Равенство и свобода

Несмотря на традицию ограничения власти, многие американцы за последнее столетие предлагали новый взгляд на роль государства. Если обществу необходимо только освободиться от хомута правления, чтобы пользоваться благами свободы, то задача политической реформы становится решенной, когда преодолены наихудшие тенденции власти и высвобождена энергия общества. Но это предполагает, что доминирующие политические, социальные и экономические реалии обеспечивают равное участие во всех благах свободы или, иными словами, что только определенные члены общества квалифицируются как равные участники. Многие поколения американских реформаторов требовали, чтобы общество признало тех, кого оно отвергло, и использовало власть как гаранта их свободы наравне с другими участвовать в реализации возможностей, которые заключала в себе сама идея Америки. С ними постоянно спорят те, кто боится расширения полномочий власти как наступления на свободу. В итоге вопрос, стоящий перед американской демократией, легко задать, но на него очень трудно ответить: каково соотношение между равенством и свободой?

Замечательный американец:
Свобода вероисповедания

Томас Джефферсон (1743–1826 годы) был страстным поборником политической и религиозной свободы и автором самого дорогого для Америки документа – Декларации независимости. Ее строки: «Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, свободу и на стремление к счастью» – одни из первых, которые учат наизусть американские школьники. Написанный Джефферсоном «Статут штата Вирджиния о свободе вероисповедания» (1786 год) гарантировал свободу богослужений и запрещал штату принуждать к поддержке определенной религии или расходовать на нее государственные средства. Джефферсон был третьим американским президентом, с 1801 по 1809 годы, а перед этим занимал должности государственного секретаря, вице-президента, а также представителя США во Франции. Замечательный архитектор, лингвист и натуралист, Джефферсон хотел, чтобы его помнили за три вещи: как автора Декларации независимости, как автора Статута штата Вирджиния о свободе вероисповедания и как основателя университета штата Вирджиния.

По меркам 18-го века новая страна радикально осуществила идею политического согласия, предоставив конечную власть людям, которые, как сказано в Декларации независимости, «созданы равными». Но реальное участие в новом политическом сообществе Соединенных Штатов ограничивалось механизмами, которые современные американцы сочли бы нетерпимыми и даже немыслимыми.

Гражданская война 1860-х исправила порок рабства в свободном обществе. За ней последовали 14-я и 15-я Поправки к Конституции, которые предоставили политические права половине афро-американского населения. Женской половине пришлось дожидаться принятия в 1920 году 19-й Поправки, которая, наконец, вовлекла в политическое сообщество самую большую группу бесправных американцев.

Далее политические права были законодательно усилены Законом о гражданских правах 1964 года и Законом об избирательных правах 1965 года. Но даже после нескольких лет сознательной, целенаправленной реализации основных политических прав и настойчивых требований движения за гражданские права самый принципиальный вопрос о сущности равенства как необходимого условия свободы оставался в американской культуре нерешенным (в середине 20-го века). Справедливый и равный доступ к политическим правам, когда бы он ни был окончательно урегулирован, сам по себе не гарантировал бы полноценного участия каждого в реализации возможностей, наличествующих в американской действительности. Любой довод о том, что это неравенство условий вызвано «естественными» ограничениями среди отверженных общин и категорий американцев, угрожал самой идее американского индивидуализма. Мысль о том, что личность может быть ограничена своей судьбой, и невозможно победить условия, созданные принадлежностью к определенному классу, ра-

се или полу, была невыносима. Если же речь шла об искусственных барьерах, возведенных обществом, как утверждали некоторые, особенно о расизме, но также о сексизме и социально-экономических факторах, то возникал вопрос: в чем заключается ответственность нации?

Реформаторы обычно говорят о необходимости вмешательства в рамках существующего американского механизма. Правительство стало активно участвовать в экономической жизни страны в «Прогрессивную эру», в период политики реформизма начала 20-го века, а затем при администрации Франклина Делано Рузвельта, проводившей «Новый курс» в середине прошлого столетия, в качестве противовеса социально-экономическим силам, угрожавшим общественной справедливости. Во второй половине 20-го века социальная политика стала еще более активной в стремлении повлиять на условия подготовки, конкуренции и взаимодействия американцев. В последнее время социальная политика также пытается ответить на тот же фундаментальный вопрос о роли власти: как лучше всего, и в какой степени, регулировать экономические и социальные процессы в обществе, которое высоко ценит принцип личной свободы и которое было основано на нем, и в то же время поощрять инициативу, энтузиазм и автономию личности.

Говоря о равенстве, большинство американцев имеет в виду равенство возможностей, а не результатов. С самого начала американцы редко высказывались в защиту или демонстрировали приверженность обществу с равенством собственности или положения. В американскую мечту входит как «ценность» убежденность в том, что люди, в действительности различающиеся по своей инициативе, энергии и таланту, должны пожинать несоизмеримые плоды своих усилий. Большинство американцев против уравниловки в обществе, но за равные возможности для всех.

Так ли это? Вечная дилемма американской жизни заключается в том, что обобщения о целях, ценностях и условиях общества рассыпаются в прах, наталкиваясь на живучее наследие расового разделения. Но верно и то, что американцы давно *используют* для собственного продвижения вперед резкую самокритику, страстную риторику и столкновение общественных сил. Сетования об упадке отдельных групп населения в определенных районах или страны в целом восходят к эпохе пуритан, когда они были, как и в каждую последующую эпоху, стимулом перемен и призывом к действиям, демонстрируя американскую нетерпеливость и упрямство в осуществлении надежд.

Очень многие общественные деятели конца 20-го и начала 21-го века требуют воплощения в действительность внутренней логики американской демократии. Этот вопрос носит не только политический, но и экономический и культурный характер. Хотя явно выраженные ценности общества свидетельствуют, что быть американцем – значит участвовать в общественном договоре, а не быть частью того или иного наследия, все же сохранялось представление о том, что истинный американец, по сути, имеет определенные расовые и культурные корни (англо-саксонские, позднее расширившиеся до европейских), веру (протестантскую, а после многолетней враждебности в это понятие были включены также католицизм и, еще более неохотно, иудаизм) и, для целей политического и экономического статуса, пол (мужской). Появившаяся в начале 20-го века идея «плавильного котла» гласила, по крайней мере, в отношении представителей некоторых общин, что не обязательно иметь определенное происхождение, но они должны стать американцами в культурном, а не только в политическом смысле, фактически утратив признаки отличия от большинства американцев.

Аргумент в пользу признания основополагающего значения разнообразия культур и корней не только для американских реалий, но и для американских идеалов заставил общество вновь обсуждать смысл своей необычной концепции национальной общности как процесса и взаимодействия. С 1960-х годов поборники культурного разнообразия соперничают в создании удачной метафоры американского общества, которая выражала бы не отторжение или растворение, а объединение. Каждое новое поколение американцев вносило свое в идею смеси мнений, народов, вероисповеданий, культур, а в последнее время и языков, до такой степени, что сейчас многие опасаются, что центр больше не удержится. Но на данный момент факт наличия национальной сплоченности дает надежду на будущее, хотя это будущее далеко не всеми считается гарантированным из-за опасений среди некоторых представителей большинства, что национальная ткань расползается, и среди некоторых представителей меньшинств, что их никогда по-настоящему не примут в американское общество.

Испытание ценностей

В других отношениях нынешние дебаты об американских ценностях тоже представляют собой не отказ от них, а проверку их применимости в более широком контексте. Рост американского женского движения напоминает о том, что биологический фактор, как предполагалось, освобождал половину всех американцев от политического, и как следствие, профессионального и экономического включения в динамику национальной жизни. Гендерный барьер еще не полностью преодолен, но непрерывно атакуется. Одним из аспектов коренных преобразований в самом представлении об Америке является трансформация основополагающих социальных устоев, в том числе семьи, которые видоизменяют-

ся в условиях господствующей этики выбора и самореализации. Еще в 19-м веке американцы преобразовали брачные традиции, допустив свободный выбор партнеров. Со временем эта концепция расширилась, охватив право жить вместе «без церковного благословения» или жениться, а потом разводиться – вплоть до дебатов об определении понятия «семья» в правовых рамках и вне их. Все чаще отношения между детьми и родителями и между младшими и старшими поколениями испытывают границы власти и согласия в степени, немыслимой в прежние эпохи.

Таковы современные американские тенденции, хотя они также проявляются, в несколько меньшей степени, во всех индустриальных демократических обществах. Американцы должны задаться вопросом, насколько культура, некогда определявшая их уникальность, стала, по крайней мере, в некоторых своих аспектах, культурой глобального модернизма. Поразительно, что некоторые азиатские страны провозглашаются государствами 21-го века вследствие их технологического и индустриального прогресса, страны Западной Европы отождествляют себя с идеей великого союза государств и динамического содружества, а рождающиеся, хотя и в муках, демократии Центральной и Восточной Европы начинают отождествлять себя с чаяниями охваченного энтузиазмом электората.

Но при всем при том американцы видят преимущество, которым они обладают в своей долгой истории политической открытости и перемен, толерантного отношения к конфликтам, предпринимательской энергии и смеси культур. Их гибкая история может служить формулой стабильности во время непрекращающихся потрясений глобального модернизма, подтверждая, а не подрывая национальные традиции. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США.

МЕНЯЮЩЕЕСЯ ЛИЦО АМЕРИКИ

Одри Сингер

Автор рассматривает современные сдвиги в расовом и этническом составе населения Америки и делится с читателем некоторыми соображениями о составе населения США в будущем. В 1970 году Соединенные Штаты можно было определить как страну, населенную в основном представителями белой и черной рас. Однако, за последние три десятилетия приток иммигрантов из Азии, Латинской Америки, Африки и Карибского бассейна расширили разнообразие населения страны. В результате все больше граждан США определяют себя в терминах смешанных рас. Правительство продолжает собирать данные на основе расовых и этнических характеристик, чтобы обеспечивать выполнение законов, запрещающих дискриминацию и гарантирующих равное отношение ко всем расовым и этническим группам и предоставление им равных возможностей. «Веским основанием для оптимизма, – пишет в заключение автор – служит вся предыдущая история объединения в Америке различных групп в единое общество и единую нацию».

Вверху, иммигранты прибывают на остров Эллис в Нью-Йорке на рубеже XX века. С 1892 по 1924 годы через этот остров въехали около 16 миллионов человек. (Фото АП)

Внизу, 86-летний Франсиско Сарауйа из Сальвадора, слева, был самым старым человеком среди 433 иммигрантов, принявших 4 июля 2003 года присягу гражданина США на церемонии в г. Сиэтле, шт. Вашингтон. (Фото АП/Джима Брайанта)

... в побуждении нет необходимости: политика или преимущество иммиграции, имеющей место в широких масштабах (я имею в виду поселение большого числа иммигрантов компактной массой) могут в значительной степени подвергаться сомнению; поскольку, поступая подобным образом, иммигранты сохраняют привозимые с собой язык, традиции и принципы (плохие или хорошие). Тогда как посредством смешения с нашими людьми, они или их потомки, приспосабливаются к нашим обычаям, мерам и законам: короче говоря, быстро становятся одним народом.

– Джордж Вашингтон в письме к Джону Адамсу от 15 ноября 1794 года

С тех пор как Соединенные Штаты были основаны более 225 лет назад, вопрос о том, кто может действительно назвать эту страну своей, остается центральным в дискурсе о национальном самосознании. Современные дебаты об уровнях иммиграции и ассимиляции перекликаются с мнениями, ранее высказывавшимися Джорджем Вашингтоном. Однако содержание обсуждаемых сегодня вопросов о том, кто же принадлежит к американской нации и как иммигрантам следует приспосабливаться к жизни в Америке, изменялось несколько раз из-за прибытия все новых и новых волн эмигрантов, которым необходимо было подогнать образ американца под себя. Осуществляя подобные изменения, Америке так или иначе удавалось сводить

Одри Сингер – научный сотрудник, работающий в рамках Программы городской политики Института Брукингса, специалист по иммиграции. В прошлом работала в Фонде международного мира Карнеги и преподавала на кафедре демографии Джорджтаунского университета. Сингер много пишет о тенденциях иммиграции в США, недокументированной миграции и изменении расового и этнического состава населения Соединенных Штатов, и недавно опубликовала работу «Иммиграция: новые возможности».

различные группы людей вместе в социальном, политическом и экономическом отношении, давая при этом возможность отдельным лицам сохранять за собой то самосознание, которое они считали нужным. По-видимому, в национальном сознании иммиграция как укрепляет, так и ставит под вопрос представление о том, что Америка – это такое место, которое для любого человека может стать своим.

«Премии семейного наследия острова Эллис» были учреждены в 2001 году в знак признания заслуг иммигрантов или их потомков, внесших в Соединенных Штатах выдающийся вклад в различных областях деятельности. Здесь изображены лауреаты этих премий за 2004 год или их родственники.

Однако скорость и многообразие современной иммиграции быстро изменяют расовый и этнический состав населения Америки. Кроме того, иммиграция вновь порождает беспокойство по поводу того, что Америка раскалывается на части. Могут ли террористические нападения в сентябре 2001 года, последствия войны в Ираке и опасения в отношении экономики США привести к эрозии традиционного для Америки хорошего отношения к иммигрантам? И будет ли Америка по-прежнему видеть благоприятные возможности, которые открываются в связи с притоком новых иммигрантов и преодолевать связанные с этим трудности?

Еще больше осложняет отношения между демографическими группами тот факт, что современная иммиграция наслаивается на традиционно сложившиеся пласты населения в Соединенных Штатах. В частности, факторы существования рабства и наличие истории завоеваний выступают важным компонентом современного многообразия Америки. Кроме того, дискриминация и расизм, а также вытекающее отсюда неравенство представляют собой тревожные и наглядные проявления того, как сложно и неоднозначно могут развиваться подобные исторические процессы.

Сегодняшние иммигранты служат еще одной проверкой гибкости социальных, культурных и экономических структур Соединенных Штатов. Хотя правительство США всегда регулировало численность людей, принимаемых в качестве иммигрантов, само оно мало помогает иммигрантам после прибытия. Так, например, федеральное правительство не предоставляет большинству иммигрантов программы по изучению английского языка и обучению профессии. При этом правительство исходит их того, что с помощью родственников и друзей иммигранты сами найдут способ выучить язык и получить работу. Если же им понадобится дополнительная помощь, они могут обратиться к местным общественным группам и религиозным организациям. Однако, с социально-культурной точки зрения, приспосабливание к разнообразной, постоянно эволюционирующей Америке представляет собой большие трудности как для вновь прибывших, так и для уже устроившихся иммигрантов.

Как в течение XX века иммиграция изменила расовый и этнический состав населения Соединенных Штатов? В этом очерке исследуются современные изменения и будущий состав населения Америки.

Страны-источники иммиграции

Америка XXI века неизбежно будет иной, с демографической точки зрения, чем Америка XX века. Уже перепись 2000 года показывает, что Америка в этническом, расовом, культурном и лингвистическом отношении характеризуется большим разнообразием, чем когда-либо в прошлом. Всего 30 лет назад можно было легко разделить большинство американцев на две категории – белые и черные. Сегодня их все больше дополняют люди азиатского, латиноамериканского и смешанного происхождения. Высокие уровни иммиграции, межрасовые и межэтнические браки и дети от этих браков, а также различные важные изменения в методах сбора правительством США информации о жителях страны – все это способствует постоянным изменениям, наблюдаемым за последние несколько десятилетий.

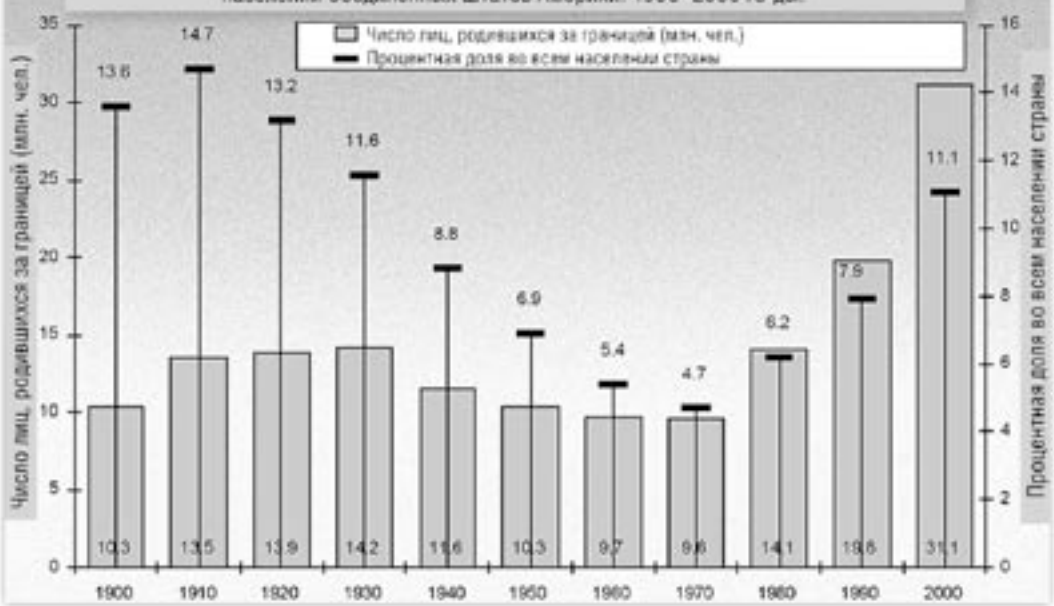
На Схеме 1 представлена история иммиграции в Соединенные Штаты в XX веке. В начале этого века в США перебралось 10,3 миллиона иммигрантов, а к его концу их число увеличилось более чем втрое. Однако важно помнить о том, что в 1900 году население США имело более высокую долю жителей, родившихся за границей (почти 14 процентов), чем доля, зафиксированная в 2000 году (11,1 процента).

Как показано на Схеме 1, в первые три десятилетия XX века иммигрантское население постоянно увеличивалось, а затем в конце тридцатых годов в период всемирной депрессии приток иммигрантов начал сокращаться. Политика ограничения иммиграции во время Второй мировой войны привела к тому, что уровни легальной иммиграции оставались низкими на протяжении следующих четырех десятилетий. Эти низкие уровни иммиграции в сочетании с высокими коэффициентами рождаемости среди жителей США, приведшими к «демографическому взрыву» нашли отражение в низкой доле иммигрантов в 1950, 1960 и 1970 годах. Однако Закон об иммиграции и гражданстве от 1965 года отменил существовавшие ранее иммиграционные квоты, что открыло иммиграцию из регионов, находящихся за пределами Европы. В период восьмидесятых и девяностых годов XX столетия иммиграция быстро росла. В течение этих 20 лет численность населения Соединенных Штатов, родившегося за границей, увеличилась более чем вдвое – с 14,1 до 31,1 миллиона человек.

Пожалуй, не менее важным, чем тенденция уровней иммиграции, стало изменение перечня стран, из которых прибывают иммигранты. В течение первых двух десятилетий XX века 85 процентов 14,5 миллионов иммигрантов, принятых в Соединенные Штаты, были выходцами из Европы, в значительной степени из Южной и Восточной Европы. Это резко контрастирует с такой же процентной долей иммигрантов, прибывших из стран Азии, Латинской Америки, Карибского бассейна и Африки в конце 20 века.

Наблюдаемые в настоящее время социальный конфликт и конкуренция – в связи с тем, что большинство нынешних иммигрантов отличается от большинства населения страны по этническим корням, языку, религии и политическим традициям – чем-то напоминают обстоятельства, имевшие место в первые десятилетия XX века. В тот период ко многим выходцам из Южной и Восточной Европы относились с не меньшей настороженностью, чем к некоторым из теперешних иммигрантов.

Рисунок 1: Численность лиц, родившихся за границей, и их процентная доля во всем населении Соединенных Штатов Америки: 1900–2000 гг.



Источник: Profile of the Foreign-Born Population in the United States: 1997, Current Population Reports, Special Studies p23-195, Figure 1-1; U.S. Bureau of the Census, Census 2000

Определение расовой и этнической принадлежности

Трудно дать точную характеристику американской расовой и этнической мозаики. Одна из сложностей связана с тем, что за последние 200 лет почти в каждой переписи населения США применялись методы сбора данных о расовой принадлежности, отличные от предыдущей переписи. С течением времени менялись и используемые категории, во многом отражавшие перемены в политической власти и представительстве. Осложнила дело и структура анкеты, использовавшейся в переписи населения 2000 года.

Рисунок 2: Вопросы переписи 2000 года относительно расовой принадлежности и принадлежности к испаноязычному населению/выходцам из Латинской Америки

Источник: Бюро переписи США, 2000 год.

Во-первых, в анкете переписи 2000 года впервые разрешалось определять свою расовую принадлежность как принадлежность к более чем одной расе (см. Рис. 2). Вопрос о расовой принадлежности включал шесть основных категорий: белые, афро-американцы, американские индейцы и коренные жители Аляски, выходцы из Азии, коренные жители

Гавайских островов или других островов Тихого океана и люди «другой расы». Из-за возможности отметить в анкете переписи более одной категории, число возможных расовых категорий возросло от нескольких до 63 возможных сочетаний.

Во-вторых, Бюро переписи населения США задавало отдельные вопросы о расовой принадлежности и этнической принадлежности к группе испаноязычных американцев, или латиноамериканцев. Поэтому, помимо отметки о принадлежности к этой группе, люди отмечали и определенную категорию или категории расовой принадлежности в ответе на другой вопрос анкеты. Обозначение «испаноязычные» появилось в Соединенных Штатах в 1970-х годах в качестве общего административного термина в отношении лиц латиноамериканского происхождения, проживающих в Соединенных Штатах и говорящих на испанском языке. Бюро переписи взяло этот термин на вооружение и впервые использовало его в переписи 1980 года. Однако как до, так и после этой переписи применялись и другие обозначения, включая обозначение «латиноамериканец», которое Бюро переписи теперь использует как синоним термина «испаноязычный». Добавление параметра испаноязычный/латиноамериканец к категориям расовой принадлежности дает 126 возможных сочетаний.

Таблица 1: Расовый и возрастной состав населения США, 1970–2000 годы.

RACE	1970	1980	1990	2000	Difference between 1970 - 2000
Total					
White	87.4	83.2	80.3	75.1	-12.3
Black	11.1	11.7	12.0	12.3	1.2
Other[a]	1.4	5.2	7.6	12.5	11.1
Children[b]					
White	84.8	78.6	75.1	68.6	-16.2
Black	13.7	14.7	15.0	15.1	1.4
Other[a]	1.5	6.7	9.9	16.3	14.8
Adults[c]					
White	88.9	84.9	82.2	77.4	-11.5
Black	9.8	10.5	11.0	11.4	1.6
Other[a]	1.4	4.5	6.8	11.2	9.9
Hispanic Ethnicity[d]	...	6.4	9.0	12.5	6.1[e]

Источник: Census of Population 1980, Characteristics of the Population, Vol. 1, ch. B, Part 1.; Перепись населения и сбор сведений о жилищных условиях, 1990 год: Сводный Файл 3, данные на CD-ROM в формате Summary Tape; Перепись 2000 года. Сводный Файл 1, данные в формате Summary.

[a] Для 1970, 1980 и 1990 годов «Прочие» относится к лицам, которые отметили любую другую расу, кроме черной или белой, включая следующие: американский индеец, эскимос или алеут, выходец из Азии и житель островов Тихого океана, а также некоторые другие расы. В 2000 году «Прочие» относится к американским индейцам и коренным жителям Аляски, выходцам из Азии, коренным жителям Гавайских островов и некоторым другим расам. Кроме того, Перепись 2000 года разрешала отдельным лицам делать отметку более чем одной расы. Эти лица включены в категорию «Прочие».

[b] Дети определяются возрастом от 0 до 17 лет.

[c] Взрослые определяются 18-летним и более старшим возрастом.

[d] В переписи данные об этнической принадлежности к испаноязычному населению или выходцам из Латинской Америки собираются отдельно от данных о расовой принадлежности. Испаноязычное население может быть любой расы, поэтому расовая принадлежность и принадлежность к испаноязычному населению не аддитивны.

[e] Разница между 1980 и 2000 годами.

С учетом этих методологических проблем, в Таблице 1 показано, как изменялся этнический и расовый состав населения Америки в течение последних трех десятилетий XX века, путем сравнения категорий «белые», «черные» и «все прочие». (В период с 1970 по 1990 годы в категорию «прочие» отнесены лица, отметившую свою расовую принадлежность не как белые или черные, – то есть выходцы из Азии, американские индейцы и представители «прочих рас». В переписи 2000 года эта категория включает в себя также всех, кто отметил свою принадлежность к нескольким расам). Отдельно прослеживается рост испаноязычного населения.

В 1970 году почти 99 процентов всех американцев были идентифицированы как либо белые, либо черные. Через тридцать лет эта процентная доля снизилась до около 87 процентов, причем за тот же период доля белого населения снизилась с 87,4 процента в 1970 году до 75,1 процента в 2000 году, а доля черного населения увеличилась с 11,1 процента до 12,3 процента.

Гораздо большее значение имеет увеличение в 2000 году в 10 раз числа детей, определенных как не относящиеся ни к черным, ни к белым, что предвещает еще большее расовое и этническое многообразие в будущем. В 2000 году для детей была характерна в полтора раза большая, чем у взрослых вероятность не быть отнесенными ни к категории белых, ни к категории черных, что отражает рост потомства от межрасовых браков и относительно высокую рождаемость у некоторых групп иммигрантов. У детей была также значительно большая вероятность быть определенными в переписи 2000 года как относящимися к более чем одной расе (в анкете, заполненной, по всей вероятности, родителями, было отмечено несколько рас) – около 4 процентов, по сравнению с 2 процентами у взрослых. По мере взросления этих детей, в Соединенных Штатах, вероятно, возрастет число людей, относящих себя к более, чем одной расе (в обстановке большего принятия этого со стороны общества), а их дети, в свою очередь, возможно, будут определять себя как «мультирасовые».

В 2003 году Бюро переписи произвело сенсацию и попало на первые

страницы газет, объявив, что в Соединенных Штатах испаноязычные американцы по своей численности превзошли негритянское население. В связи с более высоким уровнем иммиграции и более высокими коэффициентами рождаемости траектория роста испаноязычного американского населения должна и дальше обгонять рост афро-американцев. Данные о испаноязычных американцах впервые появились в результатах переписи 1980 года, составив тогда 6,4 процента населения (ранее отдельно не собирались данные о численности этой группы), а в 2000 году эта доля увеличилась до 12,5 процентов (Таблица 1).

Более того, «водораздел многообразия» явно наблюдается в некоторых штатах США с быстро растущим иммигрантским населением. Меньшинства уже составляют более половины населения моложе 18 лет в Аризоне, Калифорнии, на Гавайях, в Нью-Мексико и Техасе, а также в некоторых городах, для которых характерен большой приток иммигрантов. Неудивительно поэтому, что в течение века список крупных городов, привлекающих большие потоки иммигрантов, изменился – на смену городам северо-востока страны, таким как Филадельфия, Буффало и Сент-Луис пришли южные и западные большие города – Лос-Анджелес, Майами и Хьюстон. Кроме того, иммигранты в этих городах все больше расселяются в пригородах. В некоторых городах, таких как Атланта, шт. Джорджия, и Вашингтон, быстрый рост численности иммигрантов наблюдается по преимуществу за пределами самого города. Перепись 2000 года показала, что за предыдущее десятилетие расовое и этническое многообразие в пригородах значительно увеличилось, благодаря росту численности как тех, кто родился в Америке, так и тех, кто родился за границей, а доля небелого населения возросла в пригородах с 19 процентов до 27 процентов.

Расовая принадлежность – трудности определения

Прибывающие в Соединенные Штаты иммигранты определяют свою расовую принадлежность по категориям, которые не всегда совпадают с федеральными стандартами расовой классификации. Некоторые категории переписи населения довольно широки. Так, например, «выходец их Азии» распространяется на людей, имеющих корни на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и на полуострове Индостан. В эту категорию входят люди, которые в ходе переписи 2000 года отметили такие расы, как – индийцы, китайцы, филиппинцы, корейцы, японцы, вьетнамцы или «прочие азиаты», или которые вписали в графе «раса» – «бирманец», «кхмер», «пакистанец» или «таец». Подобно выходцам из Латинской Америки, выходцы из Азии больше отождествляют себя со своими соотечественниками, чем с широкой географической классификационной категорией «выходец из Азии», применяемой федеральным правительством США.

Из-за отсутствия надлежащей гибкости категорий расовой принадлежности и изменчивости расовой и этнической самоидентификации не вызывает удивления то обстоятельство, что многие люди противятся классификациям переписи. Заполняя анкету переписи 1990 года, полмиллиона людей протестовали против инструкции, предписывавшей делать отметку только одной расы, и отмечали две или больше рас. Это способствовало тому, что в 2000 году Бюро переписи разрешило включать в ответы более одной расы. Дело в том, что многие люди – в частности, те, кто приезжает в Соединенные Штаты взрослыми, и потомки межрасовых браков – не считают себя людьми, принадлежащими к одной из немногих расовых категорий.

Хотя мнение о том, что расовая и этническая принадлежность должна определяться обществом и самим человеком, широко распространено, федеральное правительство продолжает сбор этих данных. Зачем? В значительной степени это происходит потому, что расовая принадлежность продолжает играть роль в обеспечении равенства возможностей во многих сферах американского общества. Имеют место серьезные межрасовые различия в сфере экономики, найма на работу, социального развития и здравоохранения, и собираемые правительством данные помогают документировать существующие тенденции. Законы, стратегии и программы, направленные на предотвращение расовой дискриминации, такие как Закон о гражданских правах и законы, касающиеся преступлений на почве ненависти, безусловно, нуждаются в подобных данных.

Будущее расового и этнического многообразия

Если бы Соединенные Штаты решили прекратить сейчас всю иммиграцию, расовое и этническое многообразие продолжало бы расширяться на протяжении многих поколений. Почему? В результате двух важных тенденций: интенсивной иммиграции в течение нескольких десятилетий и готовности американцев не обращать внимания на расовую и этническую принадлежность своих половых партнеров. Если первой тенденции уделяется много внимания, то вторая редко отмечается, хотя за последние 30 лет рост числа межрасовых браков носит экспоненциальный характер.

Дихотомия черной и белой Америки, несомненно, изменилась, но как будут новые группы вживаться в общество США? Как будут выходцы из Мексики, Доминиканской Республики, Вьетнама и Индии переопределять расовую и этническую стратификацию, которая сложилась вокруг судеб черных и белых людей? Станут ли разногласия глубже

или же нынешнее поколение детей, которое в целом более многообразно, чем поколение родителей, сумеет наладить прочные связи по мере своего взросления?

Одним из веских оснований для оптимизма служит вся предыдущая история объединения в Америке различных групп в единое общество и единую нацию. Независимо от их происхождения, иммигранты добились значительных успехов в своем продвижении вверх по социально-экономической лестнице. Эта тенденция должна сохраниться. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США.

Кто может быть гражданином США

За очень небольшими исключениями, лица, родившиеся в Соединенных Штатах, становятся американскими гражданами, независимо от их этнической принадлежности или гражданства и национального происхождения их родителей. В этом отношении Соединенные Штаты отличаются от многих других стран, которые не предоставляют автоматически гражданства лицам лишь на основе факта их рождения на территории страны.

Со времени основания США открытое признание составляет характерную черту процесса предоставления американского гражданства, несмотря на то, что с течением времени изменяются законы и правила. До 1866 года статус гражданства лиц, родившихся в Соединенных Штатах, не определялся в Конституции или каком-либо федеральном законодательном акте. Однако, согласно правилу общего права jus soli (что означает принцип почвы), лица, родившиеся в Соединенных Штатах, обычно получают гражданство США при рождении. В Законе о гражданских правах от 9 апреля 1866 года, который через два года был ратифицирован в качестве Четырнадцатой поправки к Конституции, формально закрепил это положение в следующей формулировке: «все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами Соединенных Штатов».

Этот принцип jus soli сохраняет свою силу и в настоящее время. Действие jus soli не распространяется на определенных лиц, родившихся в Соединенных Штатах, таких как дети глав иностранных государств или дети иностранных дипломатов, и они не получают гражданства США. В соответствии с принципом jus sanguinis (принцип крови) некоторые люди, родившиеся за пределами Соединенных Штатов, являются гражданами США от рождения, благодаря своим родителям. Принцип jus sanguinis состоит в том, что ребенок считается гражданином той же страны, что и его родители.

Помимо получения американского гражданства по рождению, его можно также получить путем натурализации. Для натурализации обычно требуется, чтобы человек имел статус «законного постоянного жителя» и проживал в Соединенных Штатах определенное число лет. Законы и правила, касающиеся получения гражданства США, очень сложны. Если Вы хотите получить дополнительную информацию по данному вопросу, Вам следует обратиться в ближайшее посольство или консульство Соединенных Штатов. Конгресс США наделен полномочиями принятия законодательства, касающегося гражданства Соединенных Штатов. ■

Замечательный американец:
Равноправие

Вдохновленный тем, как в Индии Махатма Ганди применял ненасильственные методы гражданского неповиновения, **Мартин Лютер Кинг** (1929–1968 годы) возглавил движение Америки за гражданские права с целью устранения правовых и институциональных барьеров, направленных против афро-американцев и других меньшинств. По данным Нобелевского фонда, который в 1964 году присудил Кингу Нобелевскую премию мира, с 1957 по 1968 годы он проехал более шести миллионов миль, произнес свыше 2500 речей, руководил многочисленными маршами протеста и более 20 раз подвергался аресту. Эта премия была присуждена Кингу через год после того, как он возглавил марш на г. Вашингтон, где перед собравшимися там 250 000 человек провозгласил, что у него есть мечта о том, что «настанет день, когда сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев смогут вместе сесть за стол братства, то четверо моих маленьких детей когда-нибудь будут жить в стране, где о них станут судить не по цвету кожи, а по личным качествам». Кинг был убит в 1968 году. Впоследствии его убийцу поймали и приговорили к пожизненному тюремному заключению.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Ниже приводятся краткие очерки о людях, жизнь, биографии и род занятий которых позволяют получить представление – разумеется, далеко не полное – о сегодняшней жизни в Соединенных Штатах. В числе этих людей – рядовые американцы, а также несколько человек, о которых вы, возможно, уже слышали.

Профессор университета
Использование благоприятных возможностей

Во многих отношениях **Хибба Абугидейри**, натурализованная американская гражданка, является воплощением современности и традиций. Ее высокий уровень образования (она защитила докторскую диссертацию по истории в Джорджтаунском университете) и профессиональная карьера (она профессор и преподает историю Ближнего Востока в том же университете) говорят о ней как об очень современной женщине, в то же время исламская вера и приверженность семейным устоям крепко привязывают ее к традиционным ценностям.

Родившаяся в Судане в 1968 году, Хибба еще малым ребенком вместе со своими родителями переехала в Соединенные Штаты. Это давало возможность ее отцу работать над докторской диссертацией по сельскому хозяйству в Университет штата Висконсин в г. Мэдисоне. Семья имела твердое намерение возвратиться в Судан после окончания учебы отца, поскольку ее родители были убеждены в том, что они должны использовать полученные в США знания на благо развития своей родной страны. Однако они не смогли этого сделать по политическим причинам: отца Хиббы занесли в черный список и не разрешили ему вернуться на родину. К 1980-м годам ее семья потеряла всякую надежду на возвращение в Судан, и в 1984 году все члены семьи, включая Хиббу, стали американскими гражданами.

Хибба в полной мере воспользовалась благоприятными возможностями, предоставленными ей в принявшей ее стране, и получила степени бакалавра, магистра и доктора в различных американских университетах. Она стала известным специалистом в области истории Ближнего Востока и ислама, много писала по этим предметам и преподавала их в университетах. Она также делилась своими знаниями с иностранными аудиториями, выезжая за границу в многочисленные страны, включая Малави, Тринидад, Узбекистан и Азербайджан, в рамках программы американских лекторов, организованной Государственным департаментом США.

Хибба считает, что ее участие в этой программе позволило ей не только обогатить знания иностранных слушателей, но и принесла ей самой большую пользу как в личном, так и в профессиональном плане. Она никогда не забудет то гостеприимство и доброту, с которыми столкнулась в деревнях, поселках и городах за рубежом.

Не меньшее впечатление произвели на Хиббу и иностранные студенты, с которыми ей довелось встречаться во время зарубежных программ. Эти студенты не только очень много знали о Соединенных Штатах и других странах, но и имели свои собственные представления о современном мире. Пытаясь смотреть на мир глазами этих студентов, говорит Хибба, ей удавалось обрести новое видение своего собственного опыта, а также лучше понять многообразие культур. Она говорит: «Мы часто принимаем как должное многочисленные преимущества, которые существуют в нашей стране, и порой забываем, что у людей в других странах не меньше патриотизма и любви к своей родине, которые глубоко уходят корнями в их культуру и историю».

Несмотря на свой «американский успех», Хибба никогда не забывала о традиционных исламских ценностях, и она считает, что эти ценности совместимы с такими светскими американскими традициями, как наличие политической свободы и равных возможностей. Ее вдохновляют растущая политическая активность американских мусульман, которые, по ее мнению, могут внести весомый вклад в американский политический процесс и играть позитивную роль во взаимодействии Америки с мусульманскими странами.

Исламская вера также не заставляет Хиббу чувствовать себя неуютно в Соединенных Штатах. Она считает, что в действительности многие американцы не удовлетворены секуляризмом и материализмом американского общества, заняты духовными поисками и обретают то, что ищут, либо в традиционной религии, такой как ислам, либо в каком-либо менее традиционном источнике.

Отвечая на вопрос, какой совет она дала бы молодому человеку в Америке или за рубежом, она сказала, что настоятельно советовала бы ему овладевать знаниями во всех возможных формах, поскольку это служит ключом к успеху в любом деле, а также дает ощущение того, что ты достиг чего-то как личность. Жизнь самой Хиббы служит лучшим подтверждением тому.

– *Стивен М. Лаутербах*

Хибба Абугидейри

Студент колледжа Судьбе наперекор

Энес Елезович, 19-летний боснийский беженец, который этим летом должен получить американское гражданство, – студент первого курса колледжа «Гранд вью» в г. Де-Мойне, шт. Айова, где он живет. Если человек пережил то, что за свою короткую жизнь пришлось пережить Энесу, который лицом к лицу столкнулся с ужасами войны, то сегодняшние Соединенные Штаты кажутся ему просто раем земным.

Энесу, уроженцу Мостара, второго по величине города Боснии, было шесть лет, когда в 1991 году в стране разразилась война. Семья Елезовичей жила спокойно и в достатке. Отец Энеса Седат в течение 10 лет был пилотом вертолета в Боснийской армии, но жил дома. Мать Энеса Любица, или «Лу», как звали ее большинство знавших ее людей, была психиатром. Его брат Семир, сейчас старшеклассник одной из школ Де-Мойна, был тогда младенцем.

В религиозном отношении Елезовичи представляют собой смешанную семью, поскольку Седат – мусульманин, а Лу – католичка. Однако, долгое время подобные семьи могли жить, не боясь угнетения ни по религиозным, ни по этническим причинам.

А потом? «В Хорватии началась война, но мы знали, что сербы и хорваты придут в Боснию, поскольку им нужна была земля», – поясняет Энес. «Каждый день «около 6 часов утра начиналась бомбежка – вспоминает он. – Звонил колокол, и всем нам приходилось спускаться в подвал. Повсюду вокруг нас самолеты сбрасывали бомбы. Постоянно шла стрельба. Мне было очень страшно, но все происходило так быстро, что было трудно понять, что делается вокруг».

«Так мы прожили полгода, и вокруг нас шла война, но потом нам сказали, чтобы мы убирались. Нам дали всего один день на сборы. Нам пришлось оставить почти все, что у нас было. Насколько я помню, мы не имели ни малейшего представления о том, что станет с нами – попытаются ли нас схватить, выпустят ли нас из страны и сможем ли мы въехать в другую страну. Мы просто вынуждены были уехать».

Один из родственников, переселившийся в Ахен, в Германии, посоветовал Елезовичам попытаться добраться туда. «Нам пришлось уехать из Боснии без моего отца, и мы, в сущности, не знали, увидим ли мы его когда-нибудь, – рассказывает Энес. – Многие из моих друзей потеряли на той войне своих отцов».

После трех дней скитаний Лу Елезович и ее двум малолетним сыновьям удалось выбраться из Боснии и приехать в Ахен. Шесть месяцев спустя к ним присоединился Седат. Тогда семья приступила к налаживанию своей новой жизни в Германии, надеясь через шесть лет получить право на немецкое гражданство.

«Однако в то время Германия решила, что туда прибывает слишком много беженцев, и правила изменились – для получения гражданства нужно было прожить в стране восемь лет, а тем, кто прожил там меньше, пришлось уехать», – поясняет Энес.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Хьюго Смальйович, боснийский друг семьи, поселившийся в Айове, посоветовал им присоединиться к нему. После собеседования в Посольстве США в Германии Елезовичам сказали, что их радушно примут в Соединенных Штатах в качестве беженцев. 16 февраля 1999 года они прибыли в Де-Мойн и стали частью общины, состоящей из 3 000 боснийцев, переселившихся в столицу Айовы.

Энес пошел в Де-Мойне в седьмой класс средней школы. Он свободно говорил на сербскохорватском языке, на котором говорили в Боснии, и на немецком, которому научился в Европе, а также довольно прилично владел английским, потому что четыре года изучал его в Германии.

Кроме того, он владел еще одной формой общения, которую понимают и любят во всем мире – европейским футболом. В шесть лет Энес начал играть в футбол в Боснии, когда там разразилась война, затем играл в течение последующих шести лет в Германии. В Де-Мойне он играл в разных футбольных командах – в некоторых с ребятами своего возраста, в других со взрослыми. А в средней школе имени Рузвельта Энес в течение четырех лет играл в основном составе школьной команды. При росте в 1м 80 см он весил только 70 кг и был неутомимым бегуном. Когда Энес был в последнем классе школы, он играл в сборной команде штата. Его приглашали на учебу несколько колледжей, и он выбрал Гранд вью, где намеревается изучать международный бизнес.

Родители Энеса, которым сейчас по 42 года, очень хорошо приспособились к американской жизни. Седат сейчас работает бригадиром на заводе, а Лу успешно работает агентом по операциям с недвижимостью. У них три дома, так что они получают доход от их сдачи. Кроме того, все члены семьи работают вместе в своей собственной компании «Тип топ клининг», которая выполняет работу по уборке частных домов и служебных помещений, а также приводит в порядок строительные площадки.

Три года назад родители сказали Энесу, что хотели бы, чтобы он поработал рабочим на складе, где работают многие боснийцы, только что приехавшие в Де-Мойн. «Мои родители не заставляли меня работать, а лишь хотели дать мне ясное представление о жизни, – поясняет он. – Мы работали с шести вечера до пяти утра. Когда я увидел, как тяжело работают наши люди для того, чтобы просто прокормить свои семьи, я стал по-новому, с гораздо большим уважением относиться к ним».

Энес считает, что для него, как и для многих других молодых боснийцев, которые приехали в Соединенные Штаты как беженцы, семья – это самое главное в жизни. «После того, что нам пришлось пережить, я безгранично уважаю своих родителей. Из-за войны они вынуждены были полностью изменить свою жизнь, найти новую работу, приобрести новых друзей и жить в других странах. Очень трудно выживать в совершенно ином обществе. Необходимо приспосабливаться к другим ценностям».

Энес приводит слова своего отца о том, что свобода, а теперь еще и благоприятная возможность получить образование в американском колледже – «это своего рода ключ от двери. Отец говорит мне: «Теперь тебе остается только вставить этот ключ в замочную скважину, а затем повернуть его влево, чтобы запереть дверь, или вправо, чтобы открыть ее. Решение за тобой».

Энес считает, что его понимание американской мечты несколько отличается от того, как представляют ее некоторые американцы. «На мой взгляд, дело не только в деньгах, – поясняет он – Это скорее мечта о том, чтобы быть счастливым, чем бы ты ни занимался, и – никогда не сдаваться».

– Чак Оффенбергер

Энес Елезович

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Бизнесмен
Управление факторами риска

Стивен Джонсон последние 13 лет живет в Сингапуре и возглавляет компанию «Эйшауорк глоубал инвестмент груп». У Стива очень интересная и необычная биография. Он родился в штате Мичиган. Отцом его был чистокровный американский индеец из племени Сагино чиппева, а мать родом из польских католиков и российских евреев. Его родители встретились студентами в Мичиганском университете.

Будучи подростком, Стив прекрасно играл в американский футбол и блестяще учился в школе. Это привлекло к нему внимание нескольких старейших американских университетов, входящих в Лигу плюща, включая Пенсильванский университет в Филадельфии, где помимо учебы, Стив был капитаном команды американского футбола. Пенсильванский университет, где Стив учился в знаменитой Уортонской школе бизнеса и где получил дипломом финансиста, научил его многому, помимо науки. Он говорит: «Я извлек там много уроков, большинство из них – за пределами студенческой аудитории. Университет представлял собой «плавильный котел» людей самого разного происхождения, которые подталкивали друг друга на совершение великих дел».

Цену тяжелой работы Стив также узнал не по учебникам. Большую часть летних каникул в свои студенческие годы он работал на стройке – шесть дней в неделю до 12 часов в день. Его страстью были приключения и путешествия, и одно лето он провел в Англии в рамках программы студенческих обменов. Стив отправился в Лондон, заранее не подыскав себе никакой надежной работы и не имея определенного места для жизни, полагая, что работу и жилье будет легко найти. Однако на деле все оказалось не так, и ему пришлось долго искать работу прежде, чем ему удалось устроиться барменом в пивной в Южном Кенсингтоне под названием «Англси армз». Но Стив не удовольствовался этим и активно продолжал поиски, пока не нашел работу в финансовой сфере. Днем он занимался финансами, а по вечерам три раза в неделю продолжал работать барменом, поскольку ему нравилось общаться с местными жителями и глубже узнавать британскую жизнь. Стив считает, что его дневная работа помогла ему заложить основу будущей успешной карьеры бизнесмена, а время, проведенное им в Лондоне, породило у него сохранившийся на всю жизнь интерес к культуре и людям зарубежных стран.

Профессионально Стив главным образом занимался рискованными и трудными, но интересными и приносящими удовлетворение, торговыми сделками на вторичном рынке иностранной валюты и анализом факторов риска. Как отмечает сам Стив: «Курсы иностранных валют обычно первыми реагируют на мировые события, поэтому в этой области очень интересно работать – каждый день идешь на работу и делаешь что-то совершенно новое».

Работа Стива также предоставила ему благоприятную возможность много ездить по странам Азии, узнавая много нового о культурах и народах этого континента. Он говорит, что это принесло ему большую пользу как в личном, так и в профессиональном плане, помогло приобрести всесторонние и глубокие знания разнообразных культур, которые можно получить только путем долгого нахождения в стране и непредвзятого наблюдения культуры. По его мнению, американцы, которые редко путешествуют или вообще никогда не покидают своей страны, имеют узкое, исключительно «американское» представление о мире, и им было бы полезно поближе познакомиться с различными культурами. При этом он обнаружил, что время, проведенное им за границей, позволило ему более объективно относиться к своей стране. Стив считает, что, если бы он всю жизнь прожил в Соединенных Штатах, то ему не удалось бы составить себе о них правильного представления.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Однако многие годы, проведенные Стивом за рубежом, не заставили его меньше восхищаться Соединенными Штатами или меньше гордиться своим происхождением из американских индейцев. В сентябре 2004 года он прилетел из Сингапура в Вашингтон на церемонию открытия Национального музея культуры американских индейцев. Присутствие на этой церемонии и участие в параде десятков тысяч американских индейцев в традиционной одежде, который проходил в центре Вашингтона, стало для него глубоко волнующим событием. Подобно многим людям, берущим свое начало от американцев индейцев, Стив глубоко осознает несправедливость, которая имела место в прошлом по отношению к коренным американским народам, и верит в то, что открытие Национального музея культуры американских индейцев стало, наконец, необходимым признанием заслуг первых обитателей этой страны и того большого вклада, который они внесли во все аспекты американской жизни и культуры.

– *Стивен М. Лаутербах*

Стивен Джонсон

Военный и государственный деятель
Преодоление препятствий

Когда **Колин Пауэлл** рассказывает историю своей жизни, он часто представляет ее как типичную американскую историю обычного ребенка, который боролся с трудностями и прошел путь от безвестности до обретения высокого положения в обществе. Однако совершенно ясно, что Пауэлл – выдающийся человек, сыгравший большую роль во многих эпохальных событиях нашего времени. Объяснение этого парадокса, вероятно, состоит в том, что он вообще не нуждается в объяснении. Достаточно просто признать, что жизненный путь Пауэлла – это классическая американская история, и в то же время уникальная история замечательного человека.

«Рассказ о моей жизни – это рассказ о темнокожем, ничем не примечательном ребенке из иммигрантской семьи ограниченного достатка, – писал Пауэлл в своей автобиографии *Мой американский путь*. – «Это – рассказ о служении обществу и службе в армии. Это – рассказ о тех людях, которые помогли мне стать тем, кем я стал. Это рассказ о том, как я воспользовался благоприятными возможностями, созданными жертвами тех, кто прошел этот путь до меня, и этот рассказ, возможно, облегчит жизнь тех, кто последует за мной».

Пауэлл никогда не забывал о трудностях своих юношеских лет и возможностях, которые были у молодежи. После ухода с государственной службы в 1990-х годах он возглавил организацию «Надежда Америки – Союз во имя молодежи». А став государственным секретарем, он постоянно находил время для встреч с молодыми людьми и обсуждал с ними их надежды и задачи, которые им придется решать как лидерам нового поколения.

Выступая в 2004 году в международном лагере «Семена мира», Пауэлл сказал: «Во всех моих беседах с молодежью речь заходит о семье, об истории, о надеждах и мечтах, о страхах и сомнениях, и в результате всех этих бесед мы начинаем больше ценить и уважать друг друга. Когда люди делятся с другими теми идеями и чувствами, которые делают их людьми, у мира есть шанс укорениться в их сердцах».

Колин Лютер Пауэлл родился в 1937 году и вырос в г. Нью-Йорке на Келли стрит в Южном Бронксе, где жили люди разных национальностей и вероисповеданий. Его родители были эмигрантами с о. Ямайки, которые ставили перед собой высокие цели и ценили образование, Однако, как пишет сам Колин, в детстве у него не было конкретных устремлений. «Тогда еще я не добился особых успехов ни в чем, – писал он в своей автобиографии. – Я был «хорошим мальчиком», «хорошим работником», и ничего больше». Положение изменилось, когда он поступил в Нью-йоркский городской колледж – по специальности геология – и нашел свое призвание, а также определил свою карьеру, когда вступил в Учебный корпус офицеров запаса (ROTC). В военном заведении, где требовалось строгое соблюдение дисциплины, Пауэлл чувствовал себя, как рыба в воде – он стал командиром подразделения стрельбы по мишеням – и 1958 году был направлен в Сухопутные силы США в чине второго лейтенанта.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Пауэлл воевал во Вьетнаме, был дважды ранен в бою, а позднее командовал войсками в Корее, Германии и Соединенных Штатах. Он также закончил аспирантуру, получив степень магистра в области управления бизнесом, и выиграл специальную стипендию Белого дома. «Когда я вырос, я избрал для себя жизнь солдата, – писал Пауэлл через много лет. – Я потерял на войне близких друзей. Позднее я командовал молодыми мужчинами и женщинами, которые готовы были подвергать себя опасности ради нашей страны, и некоторые из них погибли. Не проходит и дня, чтобы я не думал о них».

В 1986 году в звании генерал-лейтенанта Колин Пауэлл вошел в состав администрации Рейгана, а через год Президент Рональд Рейган назначил его своим советником по вопросам национальной безопасности, когда он координировал исторические встречи на высшем уровне с главой Советского Союза Михаилом Горбачевым. Впоследствии Пауэлл занимал должность председателя Объединенного комитета начальников штабов при Президенте Джордже Буше-старшем, когда Соединенные Штаты возглавили международную коалицию по освобождению Кувейта от Саддама Хусейна в ходе операции «Буря в пустыне». Пауэлл ушел в отставку в 1993 году, будучи одним из самых уважаемых общественных деятелей страны.

Политическое единство и военная мощь помогали Западу сдерживать Советский Союз, считает Пауэлл, но именно сила идей привела к прекращению холодной войны и принесла демократию в Восточную Европу и страны бывшего Советского Союза. «Сила свободы для людей, сила личной свободы – вот те мощные силы, которые превратили мир холодной войны в мир, в котором мы сейчас живем. Я верю в то, что эти силы непобедимы», – отметил Пауэлл.

Пребывая на посту государственного секретаря в 2001–2005 годы, Колин Пауэлл руководил американской дипломатией в то время, когда приходилось решать новые и часто беспрецедентные по трудности задачи: осуществлять руководство глобальной коалицией в войне против терроризма, предоставлять помощь в утверждении народившихся демократий в Афганистане и Ираке, оказывать поддержку расширению Организации Североатлантического Договора, бороться с пандемией СПИДа, предпринимать усилия по установлению справедливого и беспристрастного мира на Ближнем Востоке, отстаивать распространение свободы и благоприятных возможностей экономического развития во всем мире.

Во многих отношениях Колин Пауэлл шел по пути другого великого американского военного и государственного деятеля Джорджа Маршалла, который возглавлял вооруженные силы США во время Второй мировой войны, а потом, став государственным секретарем, сформулировал план – знаменитый «План Маршалла» – по оказанию помощи в восстановлении Европы и утверждении мира.

«Джордж К. Маршалл – мой любимый герой, – сказал Пауэлл при получении в 2003 году награды Фонда Маршалла. – Его портрет висит у меня в кабинете. ... Когда я сижу в кабинете и решаю самые трудные проблемы, я смотрю прямо на Джорджа». В 1962 году Пауэлл женился на Альме Джонсон. У них есть сын Майкл, две дочери Линда и Энн, и двое внуков. Начиная с 1970-х годов его любимым занятием в свободное время стал ремонт старых моделей автомобилей «Вольво». Недавно Пауэлл так объяснил это свое увлечение школьникам в Берлине: «Ремонт машин дает мне прекрасную возможность расслабиться – когда машина не заводится, я могу быстро понять, в чем дело, в отличие от политических проблем».

Выступая перед членами Национального итало-американского фонда, Колин Пауэлл отдал должное непреходящим ценностям, которые сформировали его жизнь: «Куда бы ни бросала меня судьба, во мне всегда сидит тот мальчик с Келли Стрит – воплощение духа Америки, объединенной в своем многообразии, открытой всем в своем гуманизме и обладающей безграничными возможностями. Дух демократии всегда был величайшей силой нашей страны, и он остается нашей величайшей надеждой. И щедрость этого духа продолжает быть нашим самым главным даром всему миру».

– Ховард Синкотта

Колин Пауэлл

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Священнослужитель
Творя историю

Она обвела глазами бронзовую доску в вестибюле церкви: два с половиной столбца имен, всего их 99 – все духовные пасторы Объединенной методистской церкви Св. Иоанна с момента ее основания в 1798 году в г. Огаста, шт. Джорджия. Она знает многие из этих имен, принадлежавших гигантам в истории южного методизма. Пятеро из них стали епископами. В 1844 году один из этих епископов вызвал отделение южных методистов от их северных братьев – его жена унаследовала темнокожего раба, а северные методисты не могли перенести, чтобы епископ был рабовладельцем. Таким образом, бывший пастор Св. Иоанна сыграл решающую роль в церковном расколе, который стал прообразом кровавого раскола Америки – Гражданской войны – за 17 лет до ее начала.

Теперь, 160 лет спустя, в июне 2004 года, ее имя должно быть добавлено к именам, выгравированным на доске: **Рени Слейтер**. Вот она, 100-й пастор церкви Св. Иоанна, стоит и смотрит на старинные витражи из цветного стекла, длинные скамьи со спинками, приделы, в которых целые поколения людей молились, обращаясь к Всевышнему. И при этом творит саму историю. Рукоположенная Рени Слейтер – не только единственная женщина-старший пастор церкви Св. Иоанна, но и первый негритянский пастор, возглавившая эту преимущественно белую конгрегацию, насчитывающую 600 членов.

Рени прошла долгий путь от фермы площадью в восемь гектаров, на которой 60 лет тому назад она родилась в сегрегированной Луизиане. «Давно, когда мне было 16 лет, – вспоминает она, – я могла общаться с «американцами английского происхождения» – так мы называли белых людей – только на деловом уровне. С ними не сближались. Мы никогда не смотрели им в глаза. Еще маленькой девочкой я думала: «Мне это не нравится». Но так уж тогда обстояли дела в Америке. Я помню, когда мы ездили куда-нибудь на автобусе, нам не разрешалось пользоваться тем же залом ожидания, которым пользовались белые, но я никогда не считала себя хуже других, это было мне не по душе».

Все же ей нравилось жить на ферме в местечке Шейди Гроув в штате Луизиана. Она росла вместе с семью братьями и сестрами, а также коровами, курами, утками, свиньями, среди посевов зерновых, которыми они питались, с мамой и папой, которые учили своих детей любить всех. «Мы почти ничего не покупали в магазине, – поясняет Рени. – Мы даже выращивали сахарный тростник и делали патоку, сами мололи кукурузную муку. Когда созревали арбузы, мы шли в поле, брали их, разламывали и выковыривали только сердцевину, поскольку это самое вкусное». Единственное, что Рени не любила выращивать, так это хлопок. «Нужно было его мотыжить, а потом собирать. Мы складывали хлопок в такие длинные тюки, которые, пожалуй, тянули фунтов на 50 (22 килограмма). Надо было идти по полю и собирать этот хлопок, а коробочки резали руки».

Отец работал не только на ферме, но и на лесопилке, а также подрабатывал, убирая школу. Пока отец был на лесопилке, уборкой расположенной недалеко от фермы школы занималась Рени со своими братьями и сестрами. Их мать также работала в этой школе, была там поварихой. «Как только дочка в семье немного подрастала, – вспоминает Рени, – ее учили готовить для всей семьи, а когда девочки выросли, этим стали заниматься мальчики. Мама: «Я этим зарабатываю на жизнь и не хочу делать то же самое дома».

Поскольку ни мать Рени, ни ее отец не имели образования, они настаивали на том, чтобы дети окончили школу. «Наши родители мечтали, чтобы мы окончили школу, – рассказывает Рени. «Если мы мечтали о чем-то большем, мы могли стремиться к этому, но тут уж они помочь не могли».

Мечтой Рени было стать учительницей. «Я училась в сегрегированных школах до тех пор, пока в середине шестидесятых годов не поступила в колледж. Но я знала, что могу стать, кем захочу, поскольку мои учителя внушили мне эту мысль, – поясняет она. – Надо признать, что в то время наш мир был ограничен, и мы не имели широкого представления обо всех своих возможностях, но в пределах этого узкого кругозора мы верили, что можем стать, кем хотим». Рени поступила в колледж, но еще до его окончания она в возрасте 20 лет вышла замуж и завела детей. Необходимость воспитывать троих детей несколько замедлила ее прогресс в учебе, но не поколебала ее решимости. В течение восьми лет она закончила колледж, получила степень ма-

гистра и 20 лет обучала детей всех рас и национальностей.

Семейная жизнь оказалась для нее ловушкой, муж требовал от жены полного подчинения. Рени пришлось подавить в себе свои мечты. Затем она стала читать Библию – ту же книгу, которую ее муж использовал для утверждения своей власти в семье. К своему изумлению Рени обнаружила, что это была книга об обретении свободы. «Господь создает нас для освобождения, и нам не стоит цепляться за закон, если он разрушает нас, – считает она. – Это была та же идея освобождения, которую Мартин Лютер Кинг проповедовал в то время на улицах городов на юге Соединенных Штатов. Рени было суждено открыть для себя смысл освобождения у себя дома.

После того, как ее брак распался через 19 лет, Рени начала слышать голос: «Я хочу, чтобы ты проповедовала мою благую весть. Я хочу, чтобы ты служила моей пастве». Это было смехотворно. Рени не знала женщин-священнослужителей, а ее родители-баптисты не одобрили бы такого шага. К тому же, мало какая конгрегация захотела бы взять себе в проповедники женщину. Но голос звучал каждую ночь. «Было такое ощущение, что все мое существо занял телевизионный экран, и с него звучал этот голос, и я знала, что со мной говорит Господь», – рассказывает она. В возрасте 45 лет Рени поступила на факультет богословия Университета Эмори. Через три года, в 1992 году она была рукоположена в священники Методистской церкви. Назначение в Методистскую церковь Св. Иоанна уже четвертое для Рени.

Когда Рени поступила в семинарию, она вновь услышала тот же голос: «Если ты пойдешь, я распахну перед тобой двери, и тебе больше никогда не придется стучаться в них». Господь, утверждает она, сдержал свое обещание. «Мне больше не приходилось стучать в двери, чтобы меня впустили». На лице 100-го пастора церкви Св. Иоанна появилась улыбка: «Это вовсе не означает, что у меня не будет проблем после того, как я войду в те двери!».

Рени знает, что не все в церкви Св. Иоанна приветствовали ее назначение. Однако, войдя в эти церковные двери, она больше чем когда-либо верит в полученное ею послание: «У меня для людей только добрые вести – я расскажу им о том, как Господь может изменить жизнь любого человека».

– Джеймс Гарви

Рени Слейтер

Директор музея
Достижение динамического равновесия

Директор Национального музея культуры американских индейцев обладает широким представлением о демократии в Америке. Говоря об американских индейцах, **У. Ричард Уэст** отметил: «Мы хотим быть частью того великого плюрализма, который и представляют собой Соединенные Штаты. Так было в прошлом, и так будет и в будущем. Я считаю, что один из великих уроков американской демократии состоит в том, что на протяжении длительного периода времени она дает возможность этому прекрасному культурному плюрализму сохраняться и развиваться, приумножая его многообразие. В этом заключается великолепие американской демократии, и американские индейцы полностью разделяют эту идею».

Именно этой идеей руководствовался Уэст, возглавив одно из важнейших коллективных культурных мероприятий последних лет – создание Национального музея культуры американских индейцев (НМКАИ). Теперь этот музей занимает видное место на Национальном моллу в центре Вашингтона, рядом с Капитолием, привлекая посетителей со всех уголков страны и из-за рубежа.

Принадлежа к племен шайеннов и арапахо из штата Оклахома и будучи вождем южных шайеннов, который поддерживал закон и порядок, Уэст посвятил свою профессиональную и личную жизнь работе с американскими индейцами. Он вырос в г. Маскоги, шт. Оклахома, его отцом был покойный Ричард Уэст, старший, известный американский

художник-индеец. Хотя младший Вест выбрал юриспруденцию в качестве своей профессии, он считает, что именно интерес к истории индейцев оказал влияние на развитие его карьеры.

Отвечая на вопрос о том, как он представляет себе «американскую мечту», Уэст говорит о некоем динамическом равновесии между двумя прерогативами: самосознанием личности и присоединением к некоторой группе. «В Соединенных Штатах», отмечает он, насчитывается «пятьсот шестьдесят четыре племени, признаваемых федеральным правительством. Способность занимать культурное пространство в Соединенных Штатах имеет для нас очень, очень большое значение. Однако мы высоко ценим тот факт, что составляем часть более масштабного политического образования под названием Соединенные Штаты Америки и твердо стоим на этой позиции».

Как эти идеи работают на практике? «В процентном отношении, – говорит Уэст – доля американских индейцев, добровольно поступающих на военную службу и идущих на защиту страны, гораздо выше, чем среди любой другой группы населения. Так что налицо удивительная приверженность нашей стране, Соединенным Штатам, но в то же время и своим собственным культурным сообществам». Уэст подчеркивает, что «хотя моя принадлежность к племени южных шайеннов имеет для меня очень, очень большое значение, но тот факт, что я гражданин Соединенных Штатов, приносит мне не меньшее удовлетворение».

Директор НМКАИ воплотил свои идеи социального участия и культурного плюрализма в решении крайне трудной задачи управления строительством трех объектов, входящих в Национальный музей культуры американских индейцев. Вест руководил созданием Центра Джорджа Густава Хейе, где будут проводиться выставки и учебные мероприятия, в г. Нью-Йорке. Кроме того, он занимался планированием Центра культурных ресурсов в г. Сьютленде, шт. Мэриленд, в котором размещается коллекция НМКАИ, состоящая из 800 000 экспонатов. Уэст также курировал проектирование архитектурных сооружений и разработку программ музея в Вашингтоне, который открылся в сентябре 2004 года.

С момента своего прибытия в г. Вашингтон в 1990 году Уэст понял, что создание музея будет иметь огромное общественно-политическое значение для всей страны, и сделал все для того, чтобы в нем были отражены интересы огромного числа американцев. Отодвинув график строительства на два года, он дал проектировщикам музея возможность провести консультации с коренным американским населением Северной и Южной Америки. С 1991 по 1993 годы музей организовал проведение более двадцати консультаций, в которых приняли участие сотни людей. Результат их участия оказал глубокое воздействие как на проект музеев, так и на его программы.

Коренные народы Америки хотели, чтобы их рассматривали не как «остатки прошлой культуры», а как «народы и культуры с богатым прошлым, которые полны жизни и в настоящее время», – говорит Уэст. – Они также хотели иметь «возможность напрямую говорить с посетителями музея в рамках программ, презентаций и выставок, самим показывать экспонаты, представленные в коллекциях, рассказывать о них и объяснять их значение в искусстве, культуре и истории американских индейцев».

Конечным результатом этого открытого сотрудничества стал архитектурный проект, в котором нашли отражение ценности и опыт коренных народов. Как пишет Уэст: «Я считаю, на основе моего воспитания и исходя из своего жизненного опыта шайенна, что взгляды коренных народов Америки на мир, их представления о реальности и космосе глубоко отличаются от взглядов, сформировавшихся на основе евро-американского культурного опыта, и эти различия сказываются на толковании значения миллионов экспонатов в коллекциях Национального музея культуры американских индейцев». Посетители музея могут подтвердить правильность этого наблюдения. Национальный музей культуры американских индейцев представляет собой свидетельство силы демократии в действии.

– Марк Джейкобз

У. Ричард Уэст

ПО-ПРЕЖНЕМУ «ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ»? – ДА

Алан Волф

«Вопрос об американском единстве по своей важности не уступает другим актуальным вопросам, которые стоят сейчас перед американцами», пишет автор. Независимо от сообщений и комментариев СМИ относительно разделения Америки, граждане Соединенных Штатов в своих традициях и ценностях имеют гораздо больше того, что их объединяет, чем того, что их разделяет. Они помнят пагубные разногласия и отсутствие единства во время Гражданской войны в 19 веке, а также некоторые сопряженные с насилием столкновения между религиозными группами в начале 20 века. Каковы бы ни были политические, религиозные и социальные расхождения сегодняшнего дня, они не могут сравниться по своей глубине с теми событиями. «И действительно,– заключает автор, – есть все основания полагать, что та поляризация, которую американцы наблюдали в 2004 году, может породить встречные движения, напоминающие о том, что, несмотря на все их разногласия, их объединяет то, что они граждане одной страны».

Алан Вольф – профессор политологии и директор Центра Бойси, занимающегося изучение религиозных и социальных проблем в Бостонском колледже (Массачусетс). Автор книг One Nation After All («Все-таки единая нация») (1988 год) и The Transformation of American Religion: How We Actually Live Our Faith («Трансформация американской религии: действительность нашей веры») (2003 год).

Несколько лет назад в своей книге под названием «Все-таки единая нация» (One Nation, After All) я утверждал, что, несмотря на репортажи в СМИ о разделении и разобщении в американском обществе, существует гораздо больше того, что связывает нас вместе как нацию, чем того, что нас разъединяет. Да, признавал я, действительно существуют значительные расхождения во мнениях по целому ряду политических и социальных проблем, стоящих перед американским обществом. (Они существовали всегда). Однако глубоко укоренившиеся ценности индивидуализма и свободы самовыражения представляют собой мощный магнит, который постоянно сплачивает американцев. Эти ценности намного мощнее, чем порождающие поляризацию вопросы сегодняшнего дня, которые иногда отталкивают нас друг от друга.

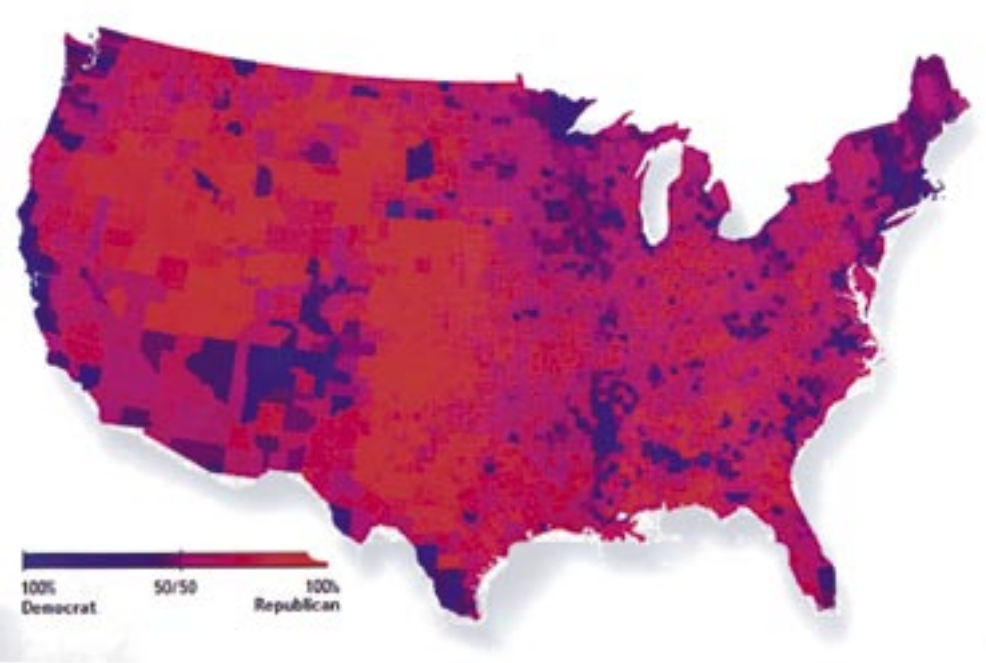
Типы разделения

Анализируя две последние кампании по выборам президента Соединенных Штатов, многие ученые мужи, журналисты и политические наблюдатели утверждали, что страна глубоко разделена. Выборы 2000 года фактически закончились «ничьей», когда оба кандидата получили почти одинаковое число голосов коллегии выборщиков. В 2004 году Президент Джордж Буш получил явное большинство голосов населения и голосов выборщиков. (Президент получил почти на 3,4 миллиона голосов избирателей больше, чем сенатор Джон Керри, что составляет 2,8 процента, а во все решающей коллегии выборщиков он выиграл 286 голосами против 252). И все же, в период между двумя кампаниями политическая карта страны изменилась относительно незначительно; по-прежнему существуют «синие» штаты вдоль побережий, склоняющиеся к либеральной традиции, и «красные» штаты на Юге и Западе, которые тяготеют к консерватизму (Прим. ред. – Синий – цвет демократической партии, а красный – цвет республиканской партии).

Первые годы 21 века были отмечены продолжающимися разногласиями в США в ряде сфер, включая религию, расовые вопросы, гендерный фактор, географию и мировоззрение. Хотя открытые теологические споры между конфессиями почти полностью исчезли из американской общественной жизни, споры внутри религиозных общин по поводу социальных вопросов и представлений о внешнем мире продолжаются. Как когда-то в прошлом основное расовое деление в Соединенных Штатах было между неграми и белыми, так и сейчас у нас растет американское население латиноамериканского и

Сегодня Соединенные Штаты являют такое многообразие, что у нас даже нет термина для определения самих себя.

азиатского происхождения, и существует значительное число людей, которые, идентифицируя себя как «мультирасовые», не относя себя к



Результаты выборов в цвете
Красный, синий и фиолетовый цвета отражают различия в процентном выражении между результатами президентских выборов 2004 года в США в разных округах. Красным цветом представлены голоса, отданные за действующего президента, представителя республиканцев Джорджа У. Буша, а синим – за претендента от демократов Джона Керри. Фиолетовым цветом показаны округа в различных частях страны, где за кандидатов было подано примерно равное количество голосов. Эта карта, составленная Робертом Вандербеем из Принстонского университета, размещена на веб-сайте Мичиганского университета (http://www-personal.umich.edu/~mejn/election/), наряду с другими картами и картограммами, составленными по результатам выборов.

какой-либо одной расовой категории. Мужчины и женщины также часто смотрят на мир по-разному, и поэтому кандидаты на выборные должности формулируют свои программы таким образом, чтобы апеллировать к одной или к другой стороне, что обычно именуется «гендерным разрывом».

Географические различия, возможно, сейчас не столь явны, как во время Гражданской войны, однако, как подтверждают результаты американских выборов, различия остаются. Большинство техасцев (61 процент которых проголосовал за Буша, а 38 процентов – против) придерживаются других политических взглядов, чем жители штата Род-Айленд (59 процентов которых проголосовали за Керри и 39 процентов – против). Перевод рабочих мест в другие страны, застой в сельскохозяйственных районах, а также растущий сектор услуг и процветающие пригородные районы свидетельствуют о стойком характере экономических различий; одни американцы борются за выживание, в то время как другие пользуются всем лучшим, что предлагает им богатое и высокопроизводительное общество. Ясно, что в сегодняшней Америке существует много «Америк».

Значительное число ученых разделяет представление о Соединенных Штатах как о глубоко разделенной стране. Возможно, наиболее активный поборник этой точки зрения – уважаемый историк Гертруд Химмельфарб. В своей книге «Одна нация, две культуры» (One Nation, Two Cultures) (1999 год) она утверждает, что американцы по-прежнему переживают последствия культурного водораздела, который впервые обозначился в 1960-е годы. По мнению Химмельфарб, одна из этих двух культур Америки подчеркивает ценности индивидуальной свободы и свободы самовыражения и склонна выходить за рамки более традиционных социальных ролей и нравов, господствовавших в американском обществе в первой половине 20-го века. В другой культуре подчеркивается ценность власти и уважения к правилам и традициям и желание увидеть возврат к временам, когда родители в большей мере контролировали своих детей, и больше людей гордилось своей страной и были искренне привержены религиозной вере. Будучи консерватором, Химмельфарб явно идентифицирует себя с этой второй культурой. Однако

можно найти схожие аргументы и у «левых» авторов, которые считают, что такие либеральные ценности, как секуляризм и свобода самовыражения находятся под угрозой справа, и которые стремятся как можно более полно защитить достижения 1960-х годов.

Судя по названию ее книги, Химмельфарб в известной степени реагировала на мой собственный вклад в эту дискуссию, изложенный в книге «Все-таки единая нация». Я утверждал, что политические активисты обычно ведут друг с другом войны культур, но большинство американцев разделяет общие ценности. Они могут расходиться во мнениях по актуальным проблемам сегодняшнего дня – в демократическом обществе люди склонны придерживаться различных взглядов – однако, в отличие от 1960-х годов, не говоря уже о временах Гражданской войны, они проявляют поразительное единодушие. Они ценят завоевания индивидуальной свободы, которые стали побочным продуктом культурных потрясений 1960-х годов, и Химмельфарб в этом смысле права, когда подчеркивает важность того периода. Однако, мнения американцев о тех завоеваниях часто неоднозначные. Они часто задаются вопросом, не зашли ли Соединенные Штаты в своем индивидуализме так далеко, что утратили уважение к власти и традициям, и они, как правило, хотят, чтобы политики действовали сообща и находили общие решения для проблем страны.

Вопрос об американском единстве по своей важности не уступает другим актуальным вопросам, стоящим перед американцами в настоящее время. Ведь Соединенные Штаты уже пережили Гражданскую войну, кровавая цена которой никогда не предавалась забвению. Сколь глубоки бы ни были наши нынешние разногласия, они, конечно, не достигают такой глубины. И как напоминает нам опыт Гражданской войны, разногласия и раскол пагубны как для самих американцев, так и для других, кто ожидает лидерства со стороны Соединенных Штатов. И, безусловно, для обеих сторон будет очень полезно, если мы заглянем за пределы заголовков новостей в попытке определить, сохранились ли еще настоящие убеждения и обычаи, обеспечивающие единство Америки.

На встрече в Белом доме президент Джордж Буш выслушивает мнения лидеров различных религиозных общин. (Фотография из архивов Белого дома).

Церковь и государство

Из всех предполагаемых разногласий в американской жизни одно представляется особенно значительным. Нам часто говорят, что линия водораздела в Америке носит религиозный характер, собирая вместе всех тех, кто твердо верит в Бога, не важно какого, с одной стороны, и тех, кто не усматривает перст Господень во всех людских деяниях, с другой. Однако если дело обстоит именно так, если религия в Америке порождает в равной мере и единство, и разделенность, то вероятность достижения e pluribus unum («единства в многообразии») значительно повышается.

Многие из основателей Америки считали, что единая мораль требует единой религии. Но поскольку Соединенные Штаты обязались отделить церковь от государства и обеспечить свободу вероисповедания в Первой поправке к своей Конституции, в стране никогда не было единой религии, по крайней мере, в формальном смысле. Все же значительное большинство американцев во время основания нашего государства были протестантами, и поэтому, несмотря на большое число протестантских сект, они, по крайней мере, разделяли идеи Реформации.

Однако, какие-либо надежды на то, чтобы найти в широком распространении протестантства некий неофициальный источник единства, исчезли с прибытием огромного числа иммигрантов в 19-м и начале 20-го веков из стран непротестантской конфессии. Напряженность между конфессиями была столь велика, что настоящая культурная война – гораздо более ожесточенная, чем та, которая предположительно происходит сегодня – разразилась в таких городах, как Бостон, между

местными протестантами и иммигрантами-католиками из Ирландии и других стран, что привело к гибели значительного числа людей и разрушению собственности. И все же с течением времени было найдено относительно мирное решение межконфессионального конфликта. Хотя христиане различных деноминаций никогда не проявляли особого стремления к единству, Соединенные Штаты к середине 20-го века стали именовать себя «иудейско-христианским» обществом, объединяемым тем фактом, что его три крупные конфессии разделяют принципы, по крайней мере, одного священного текста – Ветхого Завета.

Первоначально предназначавшийся служить всеохватным понятием термин «иудейско-христианский» теперь выступает в качестве термина, предполагающего «исключения», ибо он не охватывает мусульман, представителей индуистской религии, буддизма и многих других конфессий, проникшим в Америку после того, как радикальный Закон об иммиграции и гражданстве 1965 года отменил квоты, отдававшие предпочтение пришельцам из Европы. Сегодня Соединенные Штаты являют такое многообразие, что у нас даже нет термина для определения самих себя. Некоторые предлагают для описания культуры Америки термин «авраамическая», который включает мусульман, но одновременно исключает некоторые восточные религии. Возможно, никогда еще не было общества, где процветали бы одновременно столько разных конфессий, сколько процветает в Соединенных Штатах сегодня. И все это, в известном смысле, берет начало от решения, принятого основателями Америки в поощрение свободы вероисповедания.

Общая культура?

Ввиду такого многообразия, некоторые утверждают, что у американцев отсутствует единая культура и вследствие этого их ожидает потеря единства. Такая мысль проводится в книге «Кто мы?» (Who Are We?), написанной политологом из Гарварда Самуэлем Хантингтоном в 2004 году. Уделяя внимание, главным образом, американцам мексиканского происхождения, многие из которых воспитаны в католической вере, Хантингтон подчеркивает важность единой культуры, сформированной внутри англо-протестантской традиции, следовать которой должны иммигранты. Хантингтон считает источником разъединения не саму по себе религию, а скорее те формы культуры, которые порождены разными религиозными традициями. И все же его книга воскрешает ранние периоды в американской истории, когда страх перед многообразием побуждал авторов делать вывод о том, что если Соединенные Штаты не найдут путь к решению проблемы чрезмерного числа конкурирующих культур, за будущее страны нельзя ручаться.

Факт религиозного многообразия в Америке не вызывает сомнений. Однако есть основания сомневаться в правоте вывода о том, что многообразие подрывает единство. Несмотря на то, что американцы вовлечены в поразительное многообразие деноминаций и традиций, американская культура выступает в качестве мощной силы, которая оказывает сильное влияние на все религии. В последние годы ученые начали исследовать не только тексты и заветы американских религий, но и то, как люди отправляют свои религиозные потребности. И один из выводов этих исследований говорит о том, что, несмотря на различия между конфессиями, религиозная практика людей часто схожа.

Американцы, например, часто предпочитают религии, которые обращаются к ним лично. Зачастую не испытывающие никакого доверия к местным властям, они еще меньше доверяют власти где-то в заоблачных высотах. Как правило, они обращаются к религии по эмоциональным, а не интеллектуальным причинам; для них священные тексты – это не документы, предназначенные для изучения их основополагающих идей, а, скорее источники руководства в том, как строить свою жизнь в трудные времена. Религия дает им четкое разграничение добра и зла, но она часто склонна прощать людям их грехи и давать им второй шанс. С помощью веры американцы, как правило, обретают чувство большей уверенности в себе и в своих силах. Религия преподносит им фундаментальные истины, но также одаряет их любовью. Американцы часто меняют конфессии в своем поиске такой религии, которая дает им ощущение подлинности. Для них религия не предполагает какую-либо безоглядную приверженность традиции, а, скорее, дает им постоянно меняющийся, новаторский и динамичный способ адаптации к сложному миру.

В силу того, что американцы ощущают смысл религии схожим образом, вера может служить важным источником единства. Людям не надо договариваться о том, что такое Бог и что он вершит; для них достаточно того, что другие люди пытаются найти адекватные пути выражения своего собственного религиозного опыта. Эти общие способы отправления религиозных потребностей обладают таким мощным воздействием, что даже недавние иммигранты быстро приспосабливают свою практику к американской реальности. В 19 веке католики и евреи разработали американские версии своих вероучений. В настоящее время мусульмане и индусы делают то же самое.

Знакомство друг с другом

То, что происходит с религией, происходит и в других областях американской действительности. Жизнь создает возможности для развития общих черт, несмотря на различия. Чем больше белые американцы знакомятся с небелыми на работе, тем меньше становится проявлений расизма. Чем чаще дети иммигрантов вступают в брак с людьми иного происхождения, тем быстрее исчезают барьеры, от которых страдали поколения их родителей, дедушек и бабушек. Так, многие южане и северяне могут расходиться в оценке политических событий, однако стиль их жизни поразительно схож – они ездят на автомобилях одной и той же модели, делают покупки в таких же универсальных магазинах и приобретают одинаковые товары. Несмотря на все разговоры об Америке «синего» и «красного цвета» (Прим. ред. – Красный цвет – символ республиканской партии, синий цвет – символ демократической партии), человек может оказаться где угодно, в той или иной части страны, и обнаружить поразительную схожесть во всем, даже чрезмерную схожесть.

Поэтому есть все основания полагать, что поляризация населения, которая наблюдалась в 2004 году, породит встречные тенденции, напоминая американцам о том, что при всех их политических разногласиях они граждане одной страны. Поляризация приносит явные политические дивиденды, особенно ярым партийцам, которые мобилизуют своих сторонников, ссылаясь на зловещие планы тех, кто находится по другую сторону идеологического водораздела. И все же, в политике, по крайней мере, в успешно функционирующей демократической политической системе, любая реакция, в конечном счете, порождает встречную реакцию. Объединяемые схожестью религиозной практики и общностью опыта в других аспектах жизни, американцы, на мой взгляд, в определенный момент начнут задаваться вопросом, следует ли действительно обращаться с другими американцами, с которыми у них есть политические разногласия, так, как будто их взгляды делают их чужими.

Когда они зададутся этим вопросом, я уверен, что они придут к выводу, что мы все-таки представляем собой единую нацию. Американский индивидуализм и наше стремление к самопознанию сильнее наших различий. Пока мы помним, что все мы сформированы общей американской культурой, мы будем продолжать возводить мосты, как это часто происходило на протяжении нашей истории, которые соединяют и объединяют нас друг с другом. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США.

Замечательный американец:
Добровольческая деятельность

Клара Бартон (1821–1912 годы) посвятила свою жизнь служению людям. Она начала преподавать в школе в возрасте пятнадцати лет, а позднее основала бесплатную школу в г. Бордентауне (штат Нью-Джерси). С началом Гражданской войны она организовала программу помощи по сбору медикаментов и других необходимых вещей для раненых солдат. Программа имела такой успех, что правительство разрешило Бартон выезжать со службами армейской скорой помощи к больным и раненым. В течение трех лет она сопровождала действующую армию, ухаживала за ранеными, кормила и поила их и помогала хирургам. Она также организовала программу поиска пропавших без вести солдат. На основе этого опыта в 1881 году Бартон учредила Американскую ассоциацию Красного Креста и до 1904 года была ее президентом на общественных началах, расширив роль Международной ассоциации Красного Креста с оказания помощи на поле боя до операций помощи пострадавшим при стихийных бедствиях. Она продолжала работать, когда ей было уже далеко за семьдесят лет.

ДЕБАТЫ ОБ ИММИГРАЦИИ

Беседа с Майклом Бароном и Виктором Хансоном

За последнее десятилетие в Соединенные Штаты Америки прибыли миллионы новых иммигрантов. Такого притока иммигрантов страна не видела с 1920-х годов. Многие из сегодняшних иммигрантов въехали в страну нелегально и работают на низкооплачиваемой работе, не требующей специальных навыков. Другие, высокообразованные иммигранты, прибыли легально для работы в качестве квалифицированных специалистов на высокооплачиваемых должностях в областях высоких технологий, науки и медицины. Третьи воссоединились со своими семьями в Соединенных Штатах или прибыли как беженцы.

Эта новая волна иммиграции вызвала в США оживленные дебаты. Некоторые поддерживают нынешнюю относительно открытую политику приема иммигрантов как продолжение давней американской традиции проявления гостеприимства к людям, стремящимся к свободе и реализации экономических возможностей, которые сулит Америка. Другие сомневаются в разумности допуска в страну такого большого количества новых иммигрантов, опасаясь разрушения бережно хранимых традиций и ценностей.

Для обсуждения этого вопроса мы пригласили двух специалистов по иммиграции: Майкла Барона, корреспондента журнала «Ю. Эс. ньюс энд уорлд рипорт, автора книги «Новая Америка: как вновь запустить «плавильный котел», и Виктора Хансона, старшего научного сотрудника Гуверовского института, автора книги «Мексифорния: Состояние трансформации». Вел дискуссию, прошедшую по видеосвязи, Джеймс Дикмейер, пресс-атташе американского посольства в г. Мехико. Ниже приводится сокращенная стенограмма выступлений участников.

Чем отличается новая волна иммиграции?

ВЕДУЩИЙ: Каковы отличия нынешней волны иммиграции в Соединенные Штаты, по сравнению с иммиграционными потоками прошлого?

БАРОН: Обычно новые волны иммиграции в американской истории не были предсказаны большинством экспертов. Они просто наступают, к нашему удивлению.

Если бы кто-нибудь сказал в 1970-х годах большинству американских демографов, что в следующие 25–30 лет в страну прибудет порядка 20–30 миллионов новых иммигрантов, они ответили бы: «Вы с ума сошли! Иммиграция была в прошлом, больше ее не будет».

Но на самом деле приток иммигрантов в нашу страну оказался очень большим. В 2004 году иммиграция из Латинской Америки, в первую очередь из Мексики, по-прежнему сохранялась на высоком уровне. Мы не располагаем точными данными о подлинном количестве иммигрантов, поскольку большинство из них приезжают нелегально, а в Соединенных Штатах нелегальная иммиграция отслеживается не очень эффективно. Значительная часть иммигрантов, приезжающих из Азии и, в некоторой степени, из Латинской Америки, не считая Мексики, обладает высоким уровнем квалификации. Среди людей, приезжающих из Мексики, меньше закончивших школу или какие-либо другие учебные заведения и обладающих профессией.

Так что иммиграция не прекращается. В своей книге «Новые американцы», опубликованной в 2001 году, я выдвинул тезис о том, что нынешние меньшинства сходны с группами иммигрантов сто лет назад. Чернокожие похожи на ирландцев, латиноамериканцы – на итальянцев, выходцы из Азии – на евреев.

Конечно, эти сравнения не совсем точны, но мне кажется, что эти группы во многом схожи. Одно из отличий, естественно, состоит в том, что Латинская Америка, в частности Мексика, прилегает к Соединенным Штатам, и теперь в стране проживает значительная группа испаноговорящих людей, которые, возможно, никогда не будут свободно владеть английским языком.

Инструктор помогает изучающему английский язык на компьютере иммигранту из Гватемалы в местном колледже в г. Форест, шт. Миссисипи (AP Photo/Rogelio Solis)

ВЕДУЩИЙ: Доктор Хансон, чем новая волна иммиграции отличается от волны начала 1900-х годов из Европы?

ХАНСОН: На первый взгляд, ничего нового тут нет, но если задуматься, то можно увидеть другое. У нас никогда раньше не было 8–12 миллионов иммигрантов, сконцентрированных в основном в одной географической области, которые прибыли в страну нелегально. Это нечто новое. И, что более важно, изменилось отношение принимающей стороны. В XIX веке широко бытовали представления о необходимости быстрой ассимиляции: все попадали в жесткие условия так называемого «плавильного котла».

Но теперь, после тридцати лет двуязычного образования в Калифорнии, которое было, в конце концов, отменено, во всех колледжах штата введена несколько односторонняя и потенциально способная породить раскол программа «Чикано». Официальные документы у нас тоже пишутся на двух языках. Сейчас в Калифорнии есть целые поселения, куда мексиканцы переезжают нелегально, пользуясь родственными связями.

Таким образом, возникают целые анклавы людей, которые могут в определенной степени воссоздать для себя Мексику и не ассимилироваться в американское общество в течение одного поколения. Так что существует, на самом деле, два сообщества. Буквально сотни тысяч людей не ассимилируются в американское общество даже по прошествии двух поколений.

БАРОН: Мой взгляд, происходящее в Соединенных Штатах несколько отличается от того, что говорил Виктор Хансон. Я считаю, что те силы, которые благоприятствуют ассимиляции в американское общество, по-прежнему сильны, хотя и не настолько, как сто лет назад. Виктор говорил о сильной идеологии «плавильного котла» сто лет назад. Во времена Президента Теодора Рузвельта в ходу был термин «американизация».

Конечно, помощь в овладении английским языком и в понимании функционирования американского правительства и экономики не представляют собой оказание давления. Это необходимые предпосылки успеха и продвижения в американском обществе. Несмотря на то, что представители элиты американских университетов, журналистской среды, средств массовой информации и, в определенной степени, корпоративной элиты не верят в ассимиляцию настолько, насколько в нее верили сто лет назад, мне кажется, что многие американцы и многие иммигранты в нее верят. Я считаю, что нынешние уровни ассимиляции и продвижения наверх среди латиноамериканцев, вероятно, даже выше, чем среди американцев итальянского происхождения сто лет назад.

Не стоит забывать, что сто лет назад процесс ассимиляции не всегда казался идущим успешно. Сто лет назад американцам внушали, что ирландцы, итальянцы, евреи и другие иммигранты – это люди иной расы, которые никогда не смогут стать частью англо-саксонской американской цивилизации. Сегодня мы знаем, что эти предсказания были ошибочны. И мне кажется, что подобные пред-

сказания в отношении многих нынешних иммигрантов тоже окажутся неверны.

Да, конечно, некоторые вернуться назад в свою страну, как сто лет назад возвращались на родину некоторые итальянцы и греки. Некоторые не смогут овладеть английским языком, и нам необходимо совершенствовать школьное образование и отменить это так называемое двуязычное образование, которое зачастую не является ни двуязычным, ни образованием.

Ассимиляция: что это такое и как она происходит?

ВЕДУЩИЙ: Давайте поговорим о термине «ассимиляция». Доктор Хансон, чем определяется окончательная ассимиляция? Что это: овладение языком, принятие определенных ценностей, браки с представителями других этнических групп?

ХАНСОН: Это – владение языком в совершенстве. Это принятие американских ценностей, и сюда входят разные вещи, от религиозной терпимости до достойного обращения с женщинами, от планирования семьи до соответствующего отношения к государству. Но мне бы хотелось отметить, что, как я уже говорил раньше, мы наблюдаем два явления. С одной стороны, это пять или шесть случаев успешной ассимиляции на десять нелегальных иммигрантов.

Однако, число нелегальных иммигрантов настолько велико, что если 30–40 процентов из них не добиваются успеха, это сводится к тому, что четверть всех заключенных калифорнийских тюрем составляют нелегальные иммигранты. Поскольку один, два или три миллиона человек стремятся в Америку, а от одного до двух миллионов сюда попадают, фактически возникает апартеид лишь в силу этого огромного количества людей.

А что это означает на практике? Тем, кому не приходится лично сталкиваться с ситуацией, может казаться, что рынок самостоятельно урегулирует эту проблему или что ею можно просто пренебречь. Но чем это оборачивается на бытовом уровне? Например, одним прекрасным утром вы можете проснуться и обнаружить у себя на лужайке диван (потому что люди не привыкли пользоваться службой сбора мусора) или, как в случае с моим соседом, корову, мертвую корову. Или это значит, что когда вы пойдете в школу – а в моем районе нет интегрированной школы, – окажется, что 90 проц. учащихся в ней составляют представители одной национальности. Или у себя на ферме я вижу, что до того, как приезжающие из Мексики люди ассимилируются, они совершенно по-другому относятся к женщинам и по-другому понимают роль женщины в обществе.

И если в университете или в школах принято считать, что это просто другой взгляд на вещи или другая культура, то с этим очень сложно бороться.

И последний очень важный момент, которому не уделяется должного внимания. Ассимиляция – это не статический процесс. Но поскольку в страну въезжает очень много людей, и они делают это нелегально, возникает практически постоянная промежуточная группа из одного-двух миллионов человек, находящихся в процессе ассимиляции, но ассимиляции иного рода, нежели

Сельскохозяйственные рабочие несут корзины со свежесобранными кабачками к грузовику на поле в г. Хомстед, шт. Флорида (AP Photo/ J. Pat Carter)

Замечательный американец:
Образование

Имя Дж. Уильяма Фулбрайта (1905–1995 годы) стало ныне фактически синонимом международных программ учебных обменов. Покойный сенатор Соединенных Штатов посвятил свою жизнь служению обществу, в особенности в области образования. Сам Фулбрайт учился, в частности, в Оксфордском университете в Великобритании как стипендиат Родса. До того, как связать свою жизнь с политикой, он работал юристом, профессором юридического факультета и занимал должность президента Арканзасского университета. В 1946 году он внес законопроект об учреждении программы стипендий Фулбрайта, цель которой – «улучшить взаимопонимание между гражданами Соединенных Штатов и жителями других стран». Почти за шестьдесят лет существования программы в ней приняли участие более 255 тысяч человек из Соединенных Штатов и стран всего мира, в том числе люди, впоследствии ставшие лауреатами Нобелевской премии и главами государств. До конца своих дней сенатор Фулбрайт принимал активное участие в носящей его имя программе.

в XIX веке. Я имею в виду процесс, который занимает тридцать, сорок или даже пятьдесят лет.

Если бы можно было ограничиться 150 тысячами законных иммигрантов из Мексики, контролировать границы, начать процесс ассимиляции – то есть, сделать то, что делалось в Калифорнии примерно до 1965–1970 года, нам бы не пришлось сейчас проходить через эти трудности. Это было бы очень просто. И незаконным иммигрантам из Мексики не оказывалось бы предпочтения, по сравнению с законными иммигрантами из других стран.

Наиболее сложная ситуация возникла сейчас в округе Фресно (Калифорния), который стал эпицентром взрыва незаконной иммиграции. Проживающие здесь индийские сикхи и выходцы из Юго-Восточной Азии по пять, шесть и семь лет ждут приезда своего родственника, инженера-электрика или учителя, которые не могут приехать из-за бюрократической волокиты, и в то же время они видят, что люди въезжают в страну нелегально, просто используя родственные связи. От этого страдает доверие и уважение к закону, а в целом это явление оказывает пагубное и разлагающее влияние на закон.

Новые предложения в сфере иммиграции

ВЕДУЩИЙ: Почти год назад президент Буш выдвинул предложение по созданию механизмов, с помощью которых можно регулировать так называемую «программу рабочих-мигрантов». Может ли это помочь справиться с этим всплеском незаконной иммиграции?

Ученики третьего класса тянут руки, чтобы ответить на вопросы в начальной школе г. Оазис, шт. Калифорния. Шестьсот пятьдесят детей, из которых более 90: – испаноговорящие, обучаются в школе только на английском языке. (AP Photo/Francis Specker)

БАРОН: Мне кажется, что проект Президента, который он выдвинул в январе 2004 года и который не особо продвинулся в конгрессе, основывается на предположении, что в экономике существует спрос на большое число эмигрантов, и что этот спрос удовлетворяется за счет не только легальных, но и нелегальных иммигрантов.

Думаю, что доводы в пользу этого мнения достаточно убедительны. Положение дел на рынке сейчас таково, что если бы мы могли вдруг в один момент выдворить из страны всех нелегальных иммигрантов, многие области нашей экономики не смогли бы функционировать. К примеру, невозможно было бы получить чистую тарелку в ресторанах Лос-Анджелеса и тому подобное. Так вот, президент Буш в своем проекте пытается предложить программу по рабочим-мигрантам, которая свела бы потенциальных работодателей и работников и придала бы определенный легальный статус иммигрантам в нашей стране.

Интересно, что в конгрессе этот проект и подобные ему предложения получают больше поддержки со стороны демократов, чем со стороны Республиканской партии Президента Буша. Многие республиканцы утверждают, что подобная программа представляет собой поощрение незаконных действий путем предоставления нелегальным иммигрантам легального статуса. Администрация же Буша указывает, что проект не означает автоматическое предоставление рабочим-мигрантам возможности получения гражданства. Но некоторые демократы предпочли бы ввести программу для рабочих-мигрантов, которая позволяла бы им автоматически вступить на путь к получению гражданства.

Так что у администрации Буша также есть разногласия со многими конгрессменами-демократами, принимающими активное участие в решении данного вопроса.

ВЕДУЩИЙ: Доктор Хансон, каково Ваше мнение об этой дискуссии? Может ли предложение Президента привести к решению проблемы?

ХАНСОН: Необходимо иметь в виду, что такая программа решает столько же вопросов, сколько оставляет нерешенными. Допустим, мы привлечем четверть миллиона или даже 300 000 рабочих-мигрантов. А что делать с остальными семьюстами тысячами, которые не захотят участвовать в программе? Депортировать их или действительно усилить пограничный контроль?

Даже если мы введем программу для рабочих-мигрантов, все равно останется определенное число человек, которые захотят приехать нелегально, и с этим необходимо будет бороться. Эти люди захотят остаться.

В округе Фресно, скажем, возникает психологическая, философская и моральная проблема, когда глава Фермерского бюро заявляет, что мы не сможем собрать урожай персиков без тридцати тысяч нелегальных рабочих из Оахаки, в то время как по оценкам торговой палаты от 50 до 60 тысяч подростков не имеют работы, а уровень безработицы в округе Фресно, в основном среди испаноговорящего населения в первом и втором поколении, составляет 16 процентов. Тот факт, что в округах с самым высоким уровнем нелегальной иммиграции наблюдается и самый высокий уровень безработицы, представляет собой суровое обвинение нашей системы.

БАРОН: Не служит ли усиленный пограничный контроль одной из причин столь высокого уровня безработицы в районе Центральной равнины, потому что сезонным сельскохозяйственным рабочим трудно вернуться в Мексику или еще куда-либо на пять-шесть месяцев в году? Они предпочитают не рисковать и не пересекать границу, а остаться в округе Фресно, где они могут претендовать на получение социальной помощи.

Предприниматели отец и сын Рафаэль (слева) и Ральф Рубио (иммигрант из Мексики) стоят за стойкой одного из принадлежащих им ресторанов «Баха Гриль» в г. Сан-Диего (шт. Калифорния) – небольшой, но растущей сети ресторанов быстрого обслуживания, открывающей новые заведения по всей стране. (AP Photo/Lenny Ignelzi)

ХАНСОН: Я так не думаю, потому что то, что нелегалы приезжают в основном на сельскохозяйственные работы, – это еще один из мифов, связанных с нелегальной иммиграцией. Сельскохозяйственные рабочие составляют всего 20–25 проц. нелегальных иммигрантов. Программу для рабочих-мигрантов обычно связывают с сельским хозяйством, хотя большинство нелегальных иммигрантов в Центральной Калифорнии работают в строительстве, гостиницах и ресторанах, в то время как люди, которые могли бы занимать эти рабочие места, числятся в списках безработных.

Почему так происходит? Потому что чем дольше люди живут в Соединенных Штатах, тем больше они узнают о различных правах на получение социальной помощи, и отчаянное стремление получить работу улетучивается. Кроме того, если спросить работодателей, то они скажут, – и именно поэтому я считаю это вопросом морали – что они охотнее возьмут на работу мексиканца 18–25 лет, не говорящего по-английски, потому что он работает гораздо усерднее, чем его дети или двоюродные братья, родившиеся в Соединенных Штатах, или люди старше 40–50 лет.

Так что на самом деле речь идет о нелегальной иммиграции. Это большой обман, о котором никто не хочет говорить. Это использование человеческого капитала. Мы берем людей из Мексики и в значительной мере используем их лучшие годы, а потом, когда им исполняется пятьдесят, работодатели бросают их на попечение социальных служб. Мы отказываемся нанимать их безработных и необразованных детей, а хотим найти вместо них более молодых работников, чтобы начать все сначала.

Спрос на иностранную рабочую силу

ВЕДУЩИЙ: В последние несколько десятилетий уровень безработицы в Соединенных Штатах был невысок. Разве это не означает, с точки зрения спроса на рабочую силу, что еще есть вполне достаточный запас для того, чтобы привлекать людей со стороны и в то же время предоставлять работу тем американцам, которые действительно ее ищут?

БАРОН: Мы, в основном, говорили об одной стороне иммиграционной ситуации в Соединенных Штатах, а ваш вопрос затрагивает некоторые другие аспекты. В частности, огромное количество иммигрантов имеют высокую квалификацию. Наверное, среди иммигрантов из Азии больший процент высококвалифицированных специалистов, чем среди латиноамериканцев, но иммигранты сейчас занимают множество должностей в специальностях, которым американцы просто не обучаются.

Сельскохозяйственные рабочие собирают клубнику на склоне холма в г. Оушенсайд, шт. Калифорния. (AP Photo/Lenny Ignelzi)

Много иммигрантов, в основном, из Азии можно встретить в областях научных исследований, компьютерных технологий и техники, а также в медицине. В любой больнице на Среднем Западе вы найдете множество врачей и медсестер из Южной Азии. Они приезжают из Индии, Пакистана и других стран.

Наверное, Соединенные Штаты можно упрекнуть в том, что они готовят недостаточно инженеров и ученых, не направляют больше потенциально способной молодежи на обучение в этих областях. Но факт остается фактом: значительная часть роста и благосостояния Америки были достигнуты за счет высококвалифицированных иммигрантов, и в экономике на них большой спрос.

ВЕДУЩИЙ: Существует ли какая-нибудь поворотная точка? Момент формирования каких-либо условий в стране, при которых иммигранты уже не будут так стремиться приехать в США?

ХАНСОН: Вопрос в том, почему так много мексиканцев хотят уехать из Мексики в Соединенные Штаты, помимо того, что страны соседствуют и всегда были близки, и у людей здесь много родственников?

Полагаю, что существует неофициальная политика мексиканского правительства, которая несколькими способами поощряет это. Во-первых, я думаю, что мексиканские иммигранты в США – крупнейший после нефти источник доходов в иностранной валюте в стране. Переводы от родственников из США составляют около 12 миллиардов долларов. Эти суммы жизненно необходимы для мексиканской экономики.

Во-вторых, есть ощущение того, что Мексике никогда не придется реально осуществлять повсеместные политические, экономические, социальные и культурные реформы, если существует своего рода постоянный предохранительный клапан, через который одному- двум миллионам человек будут предоставлены жилищные условия, питание и одежда на том уровне, о котором они постоянно читают в мировой прессе.

Нельзя также не учитывать одно явление, характерное для иммигрантов из Мексики. При всем должном уважении, чем дальше от Мексики они живут и чем дольше находятся за ее пределами, тем больше они идеализируют ее в своем сознании. Так что все они поднимают родной флаг и становятся влиятельной лоббистской группой. Как вы знаете, некоторые из них стали избирателями. Так что для мексиканского правительства складывается беспроигрышная ситуация.

БАРОН: Позвольте мне кое-что добавить по вопросу о поворотном моменте, потому что есть пример одной контролируемой ситуации – ситуации с Пуэрто-Рико – который может его несколько прояснить.

По закону, принятому Конгрессом в 1917 году, пуэрториканцы – граждане Соединенных Штатов, и поэтому могут свободно приезжать в США и уезжать отсюда как любой американец, без всяких иммиграционных процедур. В конце 1940-х и в 1950-х годах наблюдалась массовая иммиграция пуэрториканцев, в основном в Нью-Йорк и его пригороды. Тогда складывалось впечатление, что пуэрториканская иммиграция бесконечна, что экономические условия в Пуэрто-Рико гораздо хуже, и что это явление будет продолжаться.

На деле же получилось совсем по-другому. Примерно с 1961 года чистый приток иммигрантов из Пуэрто-Рико в США сошел практически на нет, и эта ситуация не изменилась до сих пор. Примерно в 1961 году уровень дохода на душу населения в Пуэрто-Рико приблизился к ⅓ дохода в континентальных Соединенных Штатах. Конечно, стоимость жизни в Пуэрто-Рико тоже несколько ниже, так что разрыв между уровнями жизни не так велик, как может показаться на основе данных о доходах.

В Мексике уровень доходов населения сейчас гораздо ниже, чем ⅓ этого показателя в Соединенных Штатах. Я не берусь утверждать, что существует такое чудесное условие, когда при достижении в стране уровня доходов в ⅓ американского ВВП (валового внутреннего продукта) на душу населения иммиграция прекращается, как если бы где-то перекрыли кран. Такое предположение слишком механистично.

Однако мне кажется, что пример Пуэрто-Рико подтверждает предположение о том, что в определенный момент, когда экономический уровень страны-донора иммигрантов поднимается достаточно высоко, эмиграция из страны существенно снижается. В Германии этот уровень был достигнут в 1880-х или в начале 1890-х годов. Объемы немецкой эмиграции резко снизились. В других странах континентальной Европы этот уровень был достигнут несколько позже. Корея тоже уже достигла этого уровня – пик эмиграции из Южной Кореи наблюдался в 1980-е годы, а с тех пор значительно сократился.

Я считаю, что процесс может повториться, хотя и не могу точно предсказать, когда. Но может наступить переломный момент в процессе иммиграции, когда поток эмигрантов из конкретной страны в Соединенные Штаты существенно снижается.

ХАНСОН: У меня есть несколько иные замечания по этому вопросу, поскольку я изучал, к примеру, эмиграцию с американских Вирджинских островов, а также из Пуэрто-Рико.

Действительно, кажется, что переломный момент наступил отчасти благодаря программам «Великое общество» 1960-х годов, которая впервые предоставила всем американцам бесплатную скорую медицинскую помощь, существенную помощь многодетным семьям и определенное социальное обеспечение. Тогда люди, проживающие на этих территориях, смогли получать медицинскую помощь и ежемесячное пособие, как американские граждане. Положение дел не сильно отличалось от условий в Соединенных Штатах. Именно в этот момент люди поняли, что переезжать в Соединенные Штаты было не настолько выгодно.

Так что я считаю, что переломный момент не наступит, пока у жителей центральной и северной части Мексики не будет медицинского обслуживания, возможностей для обучения и социального обеспечения на уровне Соединенных Штатов.

Борьба с незаконной иммиграцией

ВЕДУЩИЙ: Мы много говорили о Мексике, но, я думаю, мы все понимаем, что огромные проблемы возникают и со стороны многих других стран. Мы знаем, что мексиканскую границу пересекает и огромное множество нелегальных иммигрантов из других стран. Какие практические механизмы могут применить Соединенные Штаты для борьбы с нелегальной иммиграцией?

БАРОН: Мы можем усилить пограничный контроль, что, кстати, уже произошло за последние десять лет. И правительство Клинтона, и правительство Буша приняли соответствующие меры. В густонаселенных районах рядом с Сан-Диего были построены стены. В Эль-Пасо и некоторых районах южного Техаса был усилен пограничный контроль.

Наверное, можно еще больше укрепить границы, но я считаю, что мы уже сделали много. По-другому обеспечить соблюдение закона можно было бы, если бы Служба иммиграции и натурализации контролировала работодателей, проверяла личность и документы и депортировала бы нелегальных иммигрантов. Но мне кажется, при нынешнем количестве нелегальных иммигрантов это было бы непрактично и нереально. Поэтому я считаю, что если мы хотим ввести этих людей в рамки закона, нам необходимо урегулировать ситуацию и привести наши законы в соответствие с рынками труда.

ВЕДУЩИЙ: Доктор Хансон, а как Вам представляется решение этой проблемы?

ХАНСОН: Я думаю, есть еще три-четыре меры, которые можно предпринять. Во-первых, конечно, применять санкции в отношении работодателей, как уже сказал Майкл. Сейчас проблема состоит в том, что удостоверяющие личность документы очень легко подделать. Необходимо ввести надежные удостоверения личности. А если бы работодателей, пользующихся нелегальной рабочей силой, наказывали высокими штрафами, положение дел стало бы лучше.

Во-вторых, необходимо изменить ситуацию в Соединенных Штатах, чтобы дать понять мексиканцам в Мексике, что прибывающие в страну рабочие должны будут овладеть английским языком, что их дети должны будут посещать школу, где они будут полностью погружаться в англоязычную среду, и что воспроизвести здесь мексиканскую культуру они не смогут.

И, в-третьих, я считаю очень важным сотрудничество с Мексикой в области развития экономики. Уже сейчас можно наблюдать такие начинания в приграничных районах.

Установление квоты в 250 или 100 тысяч легальных иммигрантов дало бы Мексике понять, что впервые за тридцать лет они не смогут получить все 12 миллиардов долларов в валютных переводах от родственников, и что им придется решать свои проблемы, потому что нельзя и дальше рассчитывать на экспорт рабочей силы и на получение в обмен миллиардов долларов в валюте.

И последнее замечание по поводу амнистии. Майкл правильно отметил: мы не станем врываться в округ Фресно, в мой родной город и срывать с места 60-летнего нелегального иммигранта, чтобы отправить его автобусом обратно в Тихуану. Это было бы негуманно. С другой стороны, в прошлом мы наблюдали попросту череду непрерывных амнистий. Каждый вновь принятый федеральный законодательный акт предлагал вместо изменений новую амнистию. Ничего не меняется, и каждая очередная амнистия привлекает еще большее число нелегальных иммигрантов.

Так что если бы все стороны собрались и объявили последнюю амнистию, заявив, что ее условием будут радикальные перемены в практике правоприменения и в установлении официальных квот на иммиграцию, тогда, я думаю, можно было бы принять надлежащие законы.

БАРОН: Если ввести реальную квоту в 250 тысяч легальных иммигрантов из Мексики, то необходимо будет внести изменения в существующее в иммиграционном законе положение о воссоединении семей, потому что именно на этом основании большинство легальных латиноамериканских иммигрантов прибывает в США.

Иммиграция – это не спор между правыми и левыми

ВЕДУЩИЙ: Мне бы хотелось завершить нашу беседу одним последним вопросом. Таким образом, в отличие от многих спорных вопросов, это не предмет разногласий между консерваторами и либералами, или правыми и левыми?

БАРОН: Мне кажется, этот спор проходит в несколько ином измерении, в другом спектре. На протяжении всей истории Соединенных Штатов или, по крайней мере, с 1830–1840-х годов, когда существенное число иммигрантов стало прибывать в страну из Ирландии и других стран, культуры которых отличались от культуры США, возникали движения нативизма, ставившие задачу полного исключения иммиграции.

Были и сторонники неограниченной иммиграции, какой она в целом и была до принятия иммиграционных законов 1921 и 1924 годов.

Как отметил Виктор Хансон, сторонники свободной рыночной экономики, вроде покойного Роберта Бартли из «Уолл-стрит джорнэл», объединяются со сторонниками такого рода иммигрантского национализма, вроде преподавателей программ «Чикано».

ХАНСОН: Я согласен я этим. У меня только есть еще одно замечание. Я считаю, что это также и вопрос классового размежевания. Мне кажется, сплошь и рядом работодатели, интеллигенция, профессура либо непосредственно извлекают выгоду из нелегальной иммиграции, либо считают ее положительным явлением, в интеллектуальном плане.

В то же время мне кажется, что люди, которые соперничают за рабочие места или относятся к другим национальностям, или которых волнуют изменения в составе населения, имеют законные основания для беспокойства.

Из своего опыта разговоров на все эти темы с тысячами людей я вынес способность практически точно определять по уровню доходов человека, какова его общая установка в отношении иммиграции и каков род его занятий. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США.

ДОЛИНА В КАЛИФОРНИИ

Джеймс Хьюстон

Уникальное географическое положение Калифорнии – с одной стороны она граничит с Латинской Америкой, а с другой примыкает к Тихому океану – сформировало богатую и активно развивающуюся культуру, отмечает автор. Он размышляет о многочисленных изменениях в демографии и ландшафте, особенно в регионе Долины Санта-Клары, где он вырос. «История этой долины являет собой типичную историю Калифорнии, – пишет он, – поскольку она переплетается с характером земли, которая непрерывно меняется». Как и многие другие регионы Америки в XXI веке, Калифорния стала «домом для семей из Гватемалы и Сальвадора, Иордании и Афганистана, Самоа, Тайваня и Камбоджи». Как утверждает автор, учитывая постоянно растущее этническое многообразие Калифорнии, возможно, самая трудная из проблем сегодняшнего дня – это «научиться сосуществовать в этом новом мультикультурном мире, который продолжает формироваться, учась слушать и видеть друг друга поверх границ, которые так часто разделяли нас».

Джеймс Д. Хьюстон – автор семи романов, включая трилогию «Дрейф континентов», «Любовная жизнь» и «Последний рай» (Continental Drift, Love Life, and The Last Paradise), которая в 1999 году была удостоена Американской книжной награды. Среди его документальных произведений – «Калифорнийцы», «Путешествие по берегу Тихого океана» и «Прощай, Мансанар» (Californians, A Pacific Basin Journey and Farewell to Manzanar), которые он написал в соавторстве со своей женой Джин Вакацуки Хьюстон. Джим на протяжении более 20 лет преподавал литературное мастерство в Калифорнийском университете в Санта-Крузе; он также работал музыкантом и преподавал искусство игры на гитаре. Джим и Джин живут в Санта-Крузе (шт. Калифорния).

Рекламная открытка торговой палаты начала XX века подчеркивает буколическое очарование долины Санта-Клары. (Публикуется с разрешения веб-сайта «История Сан-Хосе»)

Мой отец перебрался к Калифорнию из Оклахомы во время Великой депрессии 30-х годов прошлого века. Как и многие тысяч других людей, он бежал от засухи и засушливых земель района «пыльных бурь» на Запад в поисках лучшей жизни. Он не пересекал государственной границы, чтобы добраться до Калифорнии, однако он преодолел пустыню и две горные гряды. В то время, когда еще не было реактивных авиалайнеров и автомобилей, это было серьезное и рискованное мероприятие. Рабочих мест не хватало, и переселенцам из Оклахомы – к которым относились как к беженцам – были не слишком рады. Но, так или иначе, он добрался до места, отчаянно стремясь, как и многие другие иммигранты, изменить свою жизнь.

В конце концов, он устроился работать маляром. Наращивание обороны в связи со Второй мировой войной принесло процветание Западному побережью Америки. К 1948 году он скопил достаточно денег для покупки в рассрочку земельного участка в долине Санта-Клары с фермерским домом, несколькими подсобными постройками и занимавшими два гектара посадками сливовых деревьев с темно-фиолетовыми плодами, из которых получается самый лучший чернослив. Став маляром, он больше не возделывал землю, но он сохранил вкус к сельской жизни.

Эта земля дала ему кусочек того, что тогда называлось «крупнейшим в мире садом». Калифорния утверждает это о себе, и это правда. Вот уже на протяжении более полувека в широкой плодородной долине Санта-Клары, которая в прошлом была заиленной южной оконечностью залива Сан-Франциско, растут шесть миллионов фруктовых деревьев. Большинство из них можно увидеть с проселочной дороги, проходившей у подножия гор на востоке. Она называлась «Блоссом-хилл-роуд» – «дорогой вдоль цветущих холмов». Каждую весну мы – моя мать, сестра, бабушка, мой отец и я – с трудом втискивались в отцовский автомобиль, чтобы совершить «паломничество» и своими глазами увидеть первое цветение. Обычно мы были не первыми – когда мы прибывали к месту, у обочины дороги уже были припаркованы другие автомобили. Подобно тому, как приезжие отправляются на Северо-восток США, чтобы увидеть яркие цвета осенних листьев, люди приезжали из близлежащих и удаленных мест, чтобы посмотреть на пушистое море белорозовых цветов сливовых, грушевых, яблоневых и вишневых деревьев.

Эта церемония повторялась каждый год, чтобы поприветствовать короткий «всплеск» красоты и урожай,

который должен был последовать вскоре. Хотя в долине царил средиземноморский климат, она не была уединенным пасторальным уголком, удаленным от центров торговли. В центре нее располагался Сан-Хосе – небольшой процветающий город с населением около 70 тыс. человек, ставших одним из мировых лидеров по производству консервированных и сушеных фруктов. Там были изобретены новые машины, которые изменили способы сбора и хранения урожая. Во времена учебы в школе и колледже большинство из нас летом работали во фруктовых садах, собирая персики вместе с работниками-мигрантами из Мексики и выкладывая на подносы абрикосы для сушки на солнце, либо на одном из многочисленных консервных заводов, которые окружали город. Отсюда во все районы США, а также в различные страны мира отправлялись половинки груш и персиковый нектар, сливовые компоты и сушеные сливы, яблочный соус и плодово-ягодный коктейль.

Притяжение «золотого Запада»

Если вы приедете в эту долину сегодня, вы попадете в другой мир, имеющий другой облик и другое название. Он по-прежнему обрамлен на востоке и западе двумя отрогами длинного калифорнийского Берегового хребта. Но дороги, подобные Блоссом-хилл-роуд, которая когда-то связывала фермы и ранчо, сейчас окружены примыкающими друг к другу односемейными домиками и многоквартирными домами, лужайками и подъездами к домам. Сегодня в долине проживает почти два миллиона человек. Как и округ Лос-Анджелес, расположенный в 480 километрах к югу, она представляет собой «лоскутное одеяло», сотканное из примыкающих друг к другу городков, в которых лишь по разграничительным дорожным знакам можно узнать, где заканчивается один и начинается другой. Сан-Хосе – по-прежнему центр долины – превратился в 11-й по величине город Америки. Трансформация этого региона была настолько значительной, что ныне с горы Блоссом-хилл открывается вид на море крыш и спутниковых антенн, расцвеченных там и здесь голубыми пятнами расположенных на задних дворах плавательных бассейнов.

То весеннее великолепие осталось далеко в прошлом и никогда больше не вернется, и сейчас уже слишком поздно оплакивать эту потерю или грустить по былому. Калифорния настолько увлечена безудержным ростом, что поступь перемен ошарашивает. Я благодарю Бога за возможность увидеть океан распустившихся цветов, прежде чем он исчезнет навсегда.

В 50-е, 60-е и 70-е годы прошлого века в долину Санта-Клары продолжали прибывать покупатели вроде моего отца из других мест Калифорнии, из других районов США, из других регионов мира, чтобы приобщиться к «Золотому западу». Долина находилась всего в часе езды от Сан-Франциско. Климат, который так нравился владельцам ранчо и садоводам, притягивал и этих вновь прибывших. С каждым днем население Калифорнии увеличивалось на 1 тыс. человек (в настоящее время скорость его роста достигает 1,5 тыс. чел. в день), и населенные пункты долины расширялись вместе со всем остальным штатом, систематически «проглатывая» некоторые из наиболее плодородных и продуктивных земель на Земле. Ценность пахотных угодий просто не могла конкурировать с постоянно растущей стоимостью недвижимости.

Если бы мой отец был жив, то он, вероятно, удивился и рассердился бы, если бы ему сказали, что он сыграл свою – пусть малую, но символическую – роль в этом превращении долины. Ему нравился вид его цветущих сливовых деревьев, и он ухаживал за ними, когда мог. Но он не был садоводом, а работал маляром. Время от времени он продавал по четверти гектара своего земельного участка. Поскольку земля подвергалась новому зонированию и переоценке, покупатели впоследствии распродавали небольшие куски своих участков. Объезжая окрестности нашего дома сегодня, я вижу, что на смену тем двум гектарам посадок сливовых деревьев пришли 15 домов с 15 гаражами на два автомобиля и 15 лужайками с 15 поливальными системами. Этот вид точно привел бы в уныние моего отца-выходца из Оклахомы. Но когда он продавал первый кусок своего участка, кто мог предвидеть, к чему это приведет? Ему нужны были деньги, а фруктовых деревьев оставалось еще много – их стройные ряды простирались до самого горизонта.

Десятилетия перемен

История этой долины являет собой типичную историю Калифорнии, поскольку она тесно переплетается с характером земли, которая непрерывно меняется. В то время как один драгоценный ресурс втаптывался в землю и ликвидировалась одна индустрия мирового уровня, поблизости уже зарождались другие.

Бум на рынке недвижимости ускорялся ажиотажем и экономическими перспективами, связанными с техническими открытиями, порожденными той же новаторской атмосферой, которая сделала долину сельскохозяйственным раем.

Здесь инженеры, последовавшие за нобелевским лауреатом Уильямом Шокли, перебравшимся на Запад из лабораторий компании «Белл», разработали интегральную микросхему. Инженеры из компании «Интел» изобрели микропроцессор. Стив Джобс и Стив Возняк в своем легендарном гараже создали персональный компьютер и основали компанию «Эппл компьютер». Компания «Циско системз» изобрела маршрутизаторы, которые направляют потоки по Интернету. Оказавшаяся на переднем рубеже революции в сфере высоких технологий, Силиконовая долина привлекла многомиллиардный венчурный капитал, а также новое поколение искателей удачи.

Поэтому, хотя большие и малые фруктовые сады оказались вырубленными, всего остального прибавилось – денег, миллионеров, изящных домов, возведенных на склонах гор, с которых открывается великолепный вид, а также бездомных, преступности, автомобилей, безрассудных водителей и грамотных студентов, с которыми едва справляются местные колледжи и университет штата. Стало устраиваться больше концертов, издаваться больше литературных журналов, появились новые театры и танцевальные клубы, открылись новый центр исполнительских искусств, новые галереи, новые библиотеки, больше семей стало приезжать в Калифорнию из большего числа стран, принося с собой культуру и традиции со всех уголков земного шара. Уникальное географическое положение Калифорнии – с одной стороны она граничит с Латинской Америкой, а с другой примыкает к Тихому океану – сформировало богатую и активно развивающуюся «культуру перекрестка». И сейчас долина вновь зеркально отражает структуру населения по всему штату.

Оглядываясь назад

Первыми жителями Калифорнии были индейцы. Охотники и собиратели, они на протяжении тысячелетий бродили по заросшей дубовыми рощами равнине. Несколько сот потомков представителей тех древних племен до сих пор населяют долину. В 1769 году в Калифорнию пешком из Мексики прибыли испанские солдаты, за которыми вскоре последовали колонисты, основавшие Эль Пуэбло де Сан-Хосе де Гваделупа – аграрный форпост, призванный поощрять колонизацию и снабжать сельскохозяйственной продукцией соседние францисканские миссии, созданные с целью обращения индейцев в христианство. Одна из них получила (в 1777 году) название Санта-Клара де Асис.

До 1848 года вся Калифорния была северной провинцией Мексики, и официальным языком был испанский. (Для многих тысяч сегодняшних жителей Калифорнии это по-прежнему родной язык.) Открытие золота в Калифорнии вызвало огромный наплыв мигрантов: туда ринулись бесчисленные толпы желающих быстро разбогатеть из восточной части США, а также (на кораблях) из Европы, Чили, Перу, Китая, Малайзии и тихоокеанских островов. Вскоре иммигранты из Франции и Италии уже сажали виноградники в Долине Санта-Клары, где почва и климат напоминали им о родине. Видное место среди них занимал обосновавшийся в Сан-Хосе Пол Массон, который стал первым производителем шампанского в США.

Со времен Золотой лихорадки большинство поселенцев – фермеры, владельцы ранчо и садоводы, которые возделывали долину – были англо-европейцами. Однако к моменту прибытия в Калифорнию моей семьи культурное многообразие уже долгое время было одной из отличительных черт этого региона. В 50-х годах прошлого века, когда я учился в школе и колледже, моими друзьями были дети, родители которых приехали из Сербии, с Азорских островов, Гавайев, Филиппин, Мексики, Китая и Японии.

За пятьдесят лет мир изменился настолько, что мой отец не узнал бы его. Как и многие другие регионы Америки в XXI веке, Калифорния в настоящее время стала домом для семей из Гватемалы и Сальвадора, Иордании и Афганистана, Самоа, Тайваня и Камбоджи. Иммигранты из Вьетнама по численности сейчас превосходят все население долины тех лет, когда я был студентом. Специально для иммигрантов из Индии выпускаются четыре местных периодических издания. На одном из крупнейших бульваров на протяжении трех кварталов половина магазинов и ресторанов пестрят вывесками на корейском языке, некоторые из которых даже не снабжены дублирующими надписями на английском языке. По случаю празднования Синко де Майо, когда вся Мексика отмечает

годовщину победы над французскими войсками в битве у Пуэблы 1862 года, устраивается большой парад и фестиваль.

Заглядывая в будущее

После полутора веков непрерывного заселения в долине Санта-Клары, а также во всей остальной Калифорнии здесь разворачивается широкомасштабный социальный эксперимент. До недавнего времени лишь немногие регионы когда-либо предоставляли кров людям столь большого числа национальностей, ищущим способы сосуществования. Некоторые воспринимают это как назревающую угрозу, поскольку сейчас белые больше не составляют этнического большинства. Однако мой опыт подсказывает мне, что многообразие само по себе еще не повод бить тревогу.

Моя жена – японка. Мы познакомились во время учебы в колледже, когда ее отец – выходец из Хиросимы, совершивший путешествие на восток через Тихий океан в начале XX века практически по той же причине, по которой мой отец совершил путешествие на запад – выращивал клубнику у восточных предгорий. Трое наших детей – евразийцы. Недавно к нам на праздничный ужин приезжали жена моего сына, наполовину китаянка, и муж нашей старшей дочери, еврей. Я, сын выходца из Оклахомы с шотландско-ирландскими корнями, был представителем этнического меньшинства за обеденным столом у себя дома. И я могу засвидетельствовать, что можно вполне «пережить» такой вечер и даже получить от удовольствие от еды.

Замечательный американец:
Предпринимательство

Уильям (Билл) Г. Гейтс, вдохновленный идеей о том, что персональный компьютер мог бы стать ключевым орудием труда дома и на работе, вместе с другом детства Полом Алленом создал в 1975 году компанию по программному компьютерному обеспечению. Их творение под названием «Майкрософт» быстро превратилось в крупнейшую компанию в своей отрасли, и сегодня в ней трудятся более 55 тыс. человек в 85 странах мира. Гейтс родился в 1955 году, в 13 лет начал писать компьютерные программы, а во время учебы в колледже разработал версию языка программирования BASIC для первого микрокомпьютера. Гейтс изложил свои идеи в отношении будущего компьютерной техники в книгах, изданных на 25 языках. Он поддерживает внедрение современных технологий в образовании и основал компанию «Корбис», которая создает один из крупнейших в мире архивов цифровой визуальной информации. Он делится своим состоянием с другими людьми в рамках Фонда Билла и Мелинды Гейтс, который перечислил более 3,2 млрд. долларов организациям, работающим в сфере здравоохранения в мире, и выделил более 2 млрд. долларов на расширение возможностей для учебы.

Пришло время пересмотреть значение термина «меньшинство», поскольку он означает гораздо больше, чем численность. Те из нас, кто долгое время был «в большинстве», могут воспринимать это как некий зловещий знак причисления к менее значимой категории населения. Но давайте оставим в покое слово «меньшинство» и поищем другие способы описания самих себя и наших различий. Термин «меньшинство» имеет смысл лишь в том случае, когда существует большинство, с которым можно сравнивать. И если в штате Калифорния больше нет этнического большинства, то многообразие становится нормой и господствующей тенденцией, и все мы становимся чуть ближе к попаданию в одну и ту же категорию людей разных оттенков цвета кожи и разных национальностей, которым случилось населять один и тот же регион.

Это не означает, что следует недооценивать серьезную напряженность, которая может ощущаться человеком. Когда я возвращаюсь в те места, где вырос, мне кажется, что, быть может, самая сложна из актуальных проблем, стоящих перед штатом сегодня, заключается в том, чтобы научиться сосуществовать в этом новом мультикультурном мире, который продолжает формироваться, учась слушать и видеть друг друга поверх границ, которые так часто разделяли нас. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды и политику правительства США.

ГОРОДОК В ЗАПАДНОЙ ВИРДЖИНИИ

Генри Луис Гейтс

В отрывках из своих мемуаров, изданных в 1994 году под названием «Цветные», писатель Генри Луис Гейтс размышляет о своем детстве, которое проходило в маленьком городке Пидмонт (шт. Западная Вирджиния) до того, как движение за гражданские права в США сделало интеграцию возможной. Его повествование начинается с предисловия, в котором автор обращается к своим дочерям, и далее бросает беглый взгляд на Пидмонт со всеми его социальными, политическими и географическими особенностями. В приложении Марк Джейкобс описывает свой недавний приезд в Пидмонт и рассказывает о том, что здесь изменилось, а что осталось прежним со времен детства Генри Луиса Гейтса.

Генри Луис Гейтс – профессор Гарвардского университета, преподает гуманитарные дисциплины, руководит Программой афро-американских исследований. Видный эссеист, критик и комментатор по социальным пробелам, он опубликовал ряд книг, включая «Фигуры в черном» и «Обезьяна-предвестница».

Предисловие

Дорогие Мэгги и Лайза!

Я пишу вам, потому что мир, в котором я родился, мир, который воспитал и вырастил меня, загадочным образом исчез. Больше всего я боюсь того, что Пидмонт (шт. Западная Вирджиния) прекратит свое существование, если какие-нибудь боссы на Парк-Авеню решат, что выгоднее построить совершенно новую бумажную фабрику в другом месте, чем проводить капитальный ремонт старой фабрики, которой уже сто лет. Тогда они закроют ее подобно тому, как они сделали это в Камберленде с компанией «Силанис», Питтсбургским заводом зеркального стекла и «Шинной компанией Келли-Спрингфилда». Город умрет, но его жители не уедут. Они не уедут из города, ибо для них Пидмонт, зажатый между Аллеганскими горами и долиной р. Потомак, – это сама жизнь.

Я – нетипичный негр. Великие черные мегаполисы, скажем, Нью-Йорк, Чикаго или Лос-Анджелес, не являются для меня родными. Я также не претендую на титул «гражданина мира». Моя родина – Пидмонт, шт. Запада Вирджиния. И это другой, совершенно особый мир. Поэтому мой рассказ – не об истории расы, а об истории деревни, семьи и ее друзей. И о некоем сегрегированном мирном существовании.

Подозреваю, что вы за свою жизнь перейдете из разряда афроамериканцев в разряд «людей с цветной кожей», а затем снова в «цветных людей». (Лингвистическая тенденция к «уплотнению» сильна.) Лично я не возражаю против ни одного из этих названий. Но должен признать, что слово «цветной» мне нравится больше – возможно потому, что когда я слышу это слово, я слышу его в голосе моей матери и воспоминаниях цвета сепии из моего детства. Я попытался предельно просто и честно воссоздать «цветной» мир пятидесятых, негритянский мир начала шестидесятых и приход «черного» мира конца шестидесятых глазами мальчика, которым я был.

Цветные

Со стороны одного из холмов в Аллеганских горах, в двух с половиной часах езды на северо-запад от Вашингтона и на юго-восток от Питтсбурга, расположен городок Пидмонт, штат Западная Вирджиния, у подножия горы «Старый Балди». Это второй по величине город округа Минерал – в 1950 году, когда я родился, его население составляло 2565 чел. Западная Вирджиния славится своими Аллеганскими горами, вдоль которых протекают р. Потомак на востоке, р. Огайо – на западе и р. Канавха и Гайандотт – на юге. И ни один из всех горных хребтов, которыми каждый день любуются люди, живущие по берегам этих рек, не может по своей красоте сравниться с хребтом южного рукава долины р. Потомак, над которым возвышается Гейтс-Пойнт – самый высокий выступ в округе.

На старой открытке, датированной примерно 1920 годом, изображен вид Пидмонта. (Публикуется с разрешения «Блэквуд ассошиэйтс»)

Именно в Пидмонте проживало большинство цветных жителей округа Минерал – 351 человек из всего населения, составлявшего 22 тыс. человек.

Моим детям Пидмонт в целом, должно быть, представляется стареющим, иссушенным временем городом, разваливающимся по кирпичику точно так же, как моя старая школа. Его население сократилось до примерно 1100 человек, 300 из которых – чернокожие. Средний возраст жителей год от года растет, поэтому энергичные люди, под влиянием которых я находился в годы своей молодости, те, кто так или иначе дожил до сегодняшних дней, должны выглядеть в глазах моих дочерей древними старцами. Нет, моим детям не суждено узнать настоящий Пидмонт, испытать то волшебство, которое я по-прежнему ощущаю там, где я научился быть цветным мальчиком.

Пятидесятые годы в Пидмонте были временем сепии – по крайней мере, в такой цвет их окрасила моя память. Пидмонт процветал и рос и был городком неоспоримой прелести. Я написал «городок», но у некоторых это словечко не пользуется популярностью. (Официальным эвфемизмом в штате Западная Вирджиния служит выражение «город третьего класса».)

Деревня, город или нечто среднее – в конце, концов, это не важно. Жители Пидмонта всегда гордились тем, что живут в Пидмонте – у подножия стены гор, на самом берегу могучего Потомака. Мы знали, что Бог не создал в Америке более красивого места, чем Пидмонт.

Социальную топографию Пидмонта мы знали, как свои пять пальцев. Пидмонт был иммигрантским городом. Белый Пидмонт был итальянским и ирландским, на Ист-Хэмпшир-стрит проживала горстка богатых белых протестантов англосаксонского происхождения, а по соседству с ними – цветные и белые представители рабочего класса.

На моей памяти и памяти других людей процветающее прошлое и сомнительное будущее Пидмонта было и остается тесно связано с бумажной фабрикой «Вествако». На первый взгляд, Пидмонт – типичный умирающий город при фабрике, инфраструктура которого ветшает, а жители отказываются видеть его постепенный закат. Многие некогда красивые здания ныне брошены. Они стоят пустые и неряшливые, свидетельствуя о былых временах и присутствии гордого духа. Большие дома на Ист-Хэмпшир-стрит больше не выглядят столь впечатляюще, как в годы моего детства.

В безветренные дни, когда воздух тяжел, Пидмонт наполняется запахом химии, похожим на запах тухлых яиц. Резкий сернокислый аромат отбеливающих веществ, применяемых на бумажной фабрике, распространяется по всей долине, проникая через стены и одежду, мебель и кожу. Никакие духи не могут полностью заглушить его. Это такая же неотъемлемая часть долины, как река, и люди, которые там живут, не слишком переживая по этому поводу. «Пахнет деньгами», – так нас с детства учили говорить в защиту этого запаха. Чуть южнее Ист-Хэмпшир-стрит, если мысленно провести диагональ от нее вниз под углом 30 градусов, пролегала улица Перл-стрит, которую цветные называли «Рэт-Тейл-роуд» («Крысиным хвостом»), потому что она ползла вниз вокруг холма ко дну долины, где была проложена железная дорога «Би-энд-Оу», ведущая в Кейсер – центральный город округа. Там жили бедные белые, такие как семья Бонни Джилроя, и пятеро черных семей. Мы переехали туда, когда мне было четыре года.

Подобно итальянцам и ирландцам большинство цветных мигрировало в Пидмонт на рубеже XIX и XX веков для работы на бумажной фабрике, которая открылась в 1888 году. Там трудился почти все жители «Трех городов». «Три города» представляли собой три города примерно одинаковых размеров, соединенные двумя мостами через Потомак и удаленные друг от друга меньше, чем на одну милю, – Пидмонт, шт. Западная Вирджиния, Люк, шт. Мэриленд, и Вестернпорт, шт. Мэриленд, самый западный судоходный пункт на реке, между Питтсбургом и Чесапикским заливом. Итальянцы и ирландцы, наряду с кучкой наиболее бедных белых, трудились на бумажной фабрике и хорошо зарабатывали, включая и тех, кто были членами ремесленного профсоюза. Членство в

таких профсоюзах имело значение, поскольку ремесла требовали навыков и обучения, и ремесленники получали высокую заработную плату. Ремесленные профсоюзы на фабрике растворились лишь в 1968 году.

До лета 1968 года все цветные мужчины на бумажной фабрике работали на «платформе» – грузили бумагу в грузовики. Конечный продукт бумажной фабрики упаковывался в большие деревянные ящики, вес которых достигал целых 7000 фунтов [3150 килограммов]. Ящики с помощью вилочных погрузчиков погружались на отгрузочную платформу, а затем на огромные тягачи, которые развозили их. Изо дня в день мой отец, пока работал, занимался погрузкой. То же самое делал почти каждый цветной взрослый, которого я знал. Каждый день в 6:30 утра отец уходил на фабрику, где работал до 15:30, когда раздавался гудок. Фабрика имела столь большое значение для жизни города, что занятия в школе заканчивались одновременно с окончанием рабочего дня на фабрике. Мы ужинали в 16:00, чтобы к 16:30 отец успел на свою вторую работу – уборщиком в телефонной компании. Его рабочий день заканчивался в 19:30, кроме тех дней, когда в парке в Вестернпорте проводился бейсбольный матч, и отец уходил с работы пораньше.

Почти все цветные жители Пидмонта работали на бумажной фабрике и зарабатывали примерно одинаково, потому что они все работали в одном и том же месте – на платформе.

Замечательный американец:

Преодолевая невзгоды

Проявляя выдержку и решимость, порожденные духом активного соперничества, **Ланс Армстронг** преодолел последствия смертельного недуга, став самым знаменитым велосипедистом своего поколения и, возможно, вообще самым знаменитым спортсменом за всю историю велоспорта. Он родился в 1971 году и к 25 годам уже стал одним из лучших велосипедистов мира, когда узнал, что болен раком яичка в активной

форме. Болезнь распространилась на кишечную полость и легкие, и две злокачественные опухоли угрожали мозгу. Исполненный решимости бороться за свою жизнь, он начал активно изучать свое заболевание и перенес хирургические операции, а также прошел курс химиотерапии. Еще до своего окончательного выздоровления он создал Фонд Ланса Армстронга, чтобы внушать надежду больным раком, и стал их всемирным рупором борьбы с этим заболеванием. Армстронг говорит, что в борьбе с раком «знание – это сила, а жизненная позиция – это все». Он продемонстрировал это, неизменно одерживая победы во всех соревнованиях «Тур де Франс» – самой главной велогонке мира – с 1999 года.

Цветной мир был не столько соседством, сколько условием существования. И хотя наш собственный мир, казалось, был самодостаточным, он посягал на белый мир Пидмонта почти во всех аспектах.

Когда отец был подростком, в танцевальный зал «Кристал-палас» в Камберленде (шт. Мэриленд) часто приезжали эстрадные оркестры. Вечером они отыгрывали один-два набора музыкальных произведений для белых, а затем устраивали специальное полуночное шоу для цветных. Отец говорит, что там собирались все – калеки, больные, умирающие и даже мертвые. Дюк Эллингтон, Кэб Коллоуэй. А также гордость Пидмонта Дон Редман. Позднее у нас появились свои собственные места для танцев – цветные отделения организаций «Американский легион», а затем «Ви-Эф-Даблю» («Ветераны иностранных войн»).

Для меня было удивительно видеть, как быстро новые танцы распространяются среди чернокожих, покоряя даже такие маленькие городки, как наш. Кто-нибудь, навещая своих родственников где-то в другом месте, побывал на местной вечеринке – и все, этого достаточно. По возвращении он обучал новому танцу всех и каждого, демонстрируя его на улицах по вечерам или на молодежном сборище в чьем-нибудь подвале.

До 1955 года большинство белых имели в нашем сознании лишь призрачное присутствие в виде неясных фигур властных и недоступных боссов на фабрике или кассиров в банке. Разумеется, были и исключения – белые люди, которые входили в наш мир как события повседневной жизни и которые все мы понимали.

Мистер Почтальон, мистер Страховщик, мистер Молочник или мистер Домовладелец, мистер Полицейский: мы называли белых людей по роду их занятий, подобно символическим персонажам какой-нибудь криминальной драмы. Мистер Страховщик наведывался каждую вторую неделю для сбора платежей по страховкам на учебу в колледже или на страхование жизни, иногда в размере не более 50 центов. Но моим любимым белым визитером был мистер «Джевел ти», который приезжал к нам на своем темно-коричневом грузовике, по форме напоминающем шлем, что-то вроде переделанного джипа, и, подобно мистеру «Сирс», приносил в наш дом новые электробытовые приборы. Мне нравилось рассматривать его каталоги. «Мистер «Джевел ти», разрешите, пожалуйста, посмотреть ваши каталоги», – просил я.

И, разумеется, мы «вклинивались» в белый мир в больнице в Кейсере, в банке в Вестернпорте или в одном из магазинов в центре города. Но наше соседство было четко разграничено – как будто были протянуты невидимые канаты или установлены невидимые турникеты. Можно было подумать, что кто-то растянул над дорогой надпись «Добро пожаловать в Цветную зону!» И мне там нравилось, как и ходить босиком вокруг своего дома в одном нижнем белье или громко храпеть на кушетке перед телевизором – уютно, дома, в окружении тех, кого любишь.

Жители Пидмонта были ярыми патриотами – пидмонтскими патриотами. И наше кредо заключалось в следующем:

В Нью-Йорке все то же самое,
что и в Пидмонте,
только крупнее.
А если ты в школе,
то тебе следует помнить,
что ты можешь получить
хорошее образование везде.
У них точно такие же книжки,
разве не так? Просто у них более
просторные учебные аудитории,
вот и все.

Во всем остальном Пидмонт только выигрывал. Знаете ли вы, что Кенни-Хаус-Хилл удостоилась упоминания в энциклопедическом справочнике Рипли *«Хотите верьте, хотите нет»* как единственная улица в мире, с которой можно было зайти во все три этажа одного и того же здания? Это сделало ее самым известным местом в этом «городе третьего класса», остальные наши достопримечательности были разрекламированы не столь широко.

Как, например, колбаса Дента Дэвиса, которая была настолько хороша, что, когда цветные приезжали в Пидмонт на фабричный пикник каждый год в День труда, они килограммами увозили ее с собой в свои жалкие дома, на которые они променяли Пидмонт, вместе с ярко-красными банками «королевского сиропа» с круглой металлической крышкой, которую нужно было потянуть чем-нибудь за кольцо, чтобы открыть. Некоторые из них – люди с самым утонченным вкусом – увозили домой несколько фляг с нашей водопроводной водой. Это было еще до того, как придумали продавать воду в бутылках. Жителям Пидмонта трудно себе это вообразить и сегодня. Доллар за бутылку воды! В Пидмонте прекрасная вода – лучшая в мире питьевая вода, по мнению любого из нас.

Колбаса Дента, наша вода, наш «королевский сироп» и ежегодный пикник на бумажной фабрике – все это укрепляло прочную власть Пидмонта над его жителями, даже покинувшими город. Кроме того, у нас была наша долина. Мне не доводилось слышать о том, чтобы в других местах цветные были в большей степени помешаны на горах, воде, цветах, деревьях, рыболовстве и охоте, чем в Пидмонте. Насколько я помню, мы всегда могли дать фору в охоте, стрельбе и плавании белым мальчишкам. Однако мы не хвастались своими ружьями и дробовиками, чтобы не раздражать белых. Пикапы и музыка «кантри» – это все продолжалось вплоть до пятидесятых. Но и это ушло, когда интеграция охватила второе поколение. Наверное, такова цена прогресса. ■

Первоначально опубликовано в журнале «США: общество и ценности», Электронные журналы ЮСИА, том 1, номер 10, август 1996 года. Перепечатано с разрешения профессора Генри Луиса Гейтса-младшего

ДОПОЛНЕНИЕ
ПИДМОНТ СЕГОДНЯ

Марк Джейкобс

Пидмонт – это городок на северо-востоке Западной Вирджинии, который стал еще меньше со времен детства знаменитого Генри Луиса Гейтса. Когда Гейтс появился на свет в 1950 году, население Пидмонта составляло 2565 человек. Сегодня, согласно последним оценкам Бюро переписи населения США, там проживает 1014 человек. Округ Минерал, где расположен Пидмонт, также весьма малонаселен – там насчитывается в общей сложности немногим более 27 тыс. жителей.

Гейтс были среди первых афроамериканских учащихся, которые поступили в только что десегрегированные муниципальные школы Пидмонта после вынесенного Верховным судом решения по делу «Браун против Совета по образованию» в 1954 году. Его заинтересовали вопросы гражданских прав, и присоединился к группе, которая впоследствии стала известной как «Устрашающая четверка» и которая заставила ресторан и ночной клуб «Голубая сойка» открыть свои двери цветным.

С момента публикации мемуаров Гейтса в 1996 году в Пидмонте мало что изменилось. В городе не появилось ни одного нового крупного работодателя. Бумажная фабрика «Вествако» по-прежнему функционирует. Как и большинство мужчин тех времен, отец Гейтса работал на «Вествако». Принадлежащая корпорации «Мид Вествако» фабрика остается основным работодателем для черных и белых жителей Пидмонта.

Пастор Объединенной методистской церкви Троицы в Пидмонте Барт Томпсон считает, что город должен меняться, идя в ногу с экономическими переменами в стране. Начальник полиции Пол Каралевиц, который живет в Пидмонте вот уже 28 лет, указывает на ряд новых малых предприятий как на признак прогресса. Мэри Лу Кэди из газеты «Пидмонт хералд» настроена столь же оптимистично. Она считает, что город «практически не изменился» со времен выхода в свет мемуаров Гейтса. Кэди, которая родилась и выросла в Пидмонте, говорит: «Я бы не стала жить где-либо в другом месте. Это прекрасный небольшой городок со своей атмосферой и обаянием».

Вследствие своего местоположения в Аллеганских горах Пидмонт и округ Минерал славятся своей красотой. Для людей, знакомых с этими местами, как и для автора «Цветных», этот уголок Западной Вирджинии по-прежнему радует глаз и обладает ностальгической притягательной силой. ■

Мнения, высказываемые в этой статье, не обязательно отражают взгляды или политику правительства США.

БИБЛИОГРАФИЯ

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА
О СЕГОДНЯШНИХ США И ИХ ГРАЖДАНАХ

Alba, Richard D. and Victor Nee. *Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration.*
Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

Barkan, Elliott Robert. *And Still They Come: Immigrants and American Society, 1920 to the 1990s.*
Wheeling, IL: Harlan Davidson, 1996.

Barone, Michael. *The New Americans: How the Melting Pot Can Work Again.*
Washington, DC: Regnery Publishing, 2001.

Bellah, Robert N. et al. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life,* updated edition with a new introduction. Berkeley, CA: University of California Press, 1996.

Brooks, David. *On Paradise Drive: How We Live Now (And Always Have) in the Future Tense.*
New York: Simon & Schuster, 2004.

Cullen, Jim. *The American Dream: A Short History of an Idea That Shaped a Nation.*
New York: Oxford University Press, 2003.

D'Souza, Dinesh. *What's So Great About America.*
Washington, DC: Regnery Publishing, 2002.

Earle, Robert L. and John D. Wirth, eds. *Identities in North America: The Search for Community.*
Stanford, CA: Stanford University Press, 1995.

Garreau, Joel. *The Nine Nations of North America.*
Boston: Houghton Mifflin, 1981.

Halberstam, David, ed. *Defining a Nation: Our America and the Sources of Its Strength.*
Washington, DC: National Geographic Society, 2003.

Hanson, Victor Davis. *Mexifornia: A State of Becoming.*
San Francisco: Encounter Books, 2003.

Himmelfarb, Gertrude. *One Nation, Two Cultures.*
New York: Knopf, 1999.

Huntington, Samuel P. *Who Are We?: The Challenges to America's National Identity.*
New York: Simon & Schuster, 2004.

Jacoby, Tamar, ed. *Reinventing the Melting Pot: The New Immigrants and What It Means to Be American.*
New York: Basic Books, 2004.

Karabell, Zachary. *A Visionary Nation: Four Centuries of American Dreams and What Lies Ahead.*
New York: HarperCollins, 2001.

Ledeen, Michael. *Tocqueville on American Character: Why Tocqueville's Brilliant Exploration of the American Spirit Is as Vital and Important Today as It Was Nearly Two Hundred Years Ago.*
New York: St. Martin's Press, 2000.

Lindsay, James M. and Audrey Singer. *Changing Faces: Immigrants and Diversity in the Twenty-First Century.*
Washington, DC: Brookings, June 2003.
http://www.brookings.edu/views/papers/lindsay/20030601.htm

Lubar, Steven D. and Kathleen M. Kendrick. *Legacies: Collecting America's History at the Smithsonian.*
Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 2001.

McElroy, John Harmon. *American Beliefs: What Keeps a Big Country and a Diverse People United.*
Chicago: Ivan R. Dee, 1999.

Matthews, Christopher. *American: Beyond Our Grandest Notions.*
New York: Free Press, 2002.

Powell, Colin L. *My American Journey.*
New York: Random House, 1995.

Rieder, Jonathan and Stephen Steinlight, eds. *The Fractious Nation?: Unity and Division in Contemporary American Life.*
Berkeley, CA: University of California Press, 2003.

Roberts, Sam. *Who We Are Now: The Changing Face of America in the Twenty-first Century.*
New York: Times Books, 2004.

Sides, Hampton. *Americana: Dispatches from the New Frontier.*
New York: Anchor Books, 2004.

Singer, Audrey. *The Rise of New Immigrant Gateways.*
Washington, DC: Brookings, February 2004.
http://www.brookings.edu/urban/pubs/20040301_gateways.pdf

Smolan, Rick and David Elliot Cohen, eds. *America 24/7.*
New York: DK Publishing, 2003.

Smolan, Rick and David Elliot Cohen, eds. *America 24/7* (State Book Series).
New York: DK Publishing, 2004.

Sowell, Thomas. *Ethnic America: A History.*
New York: Basic Books, 1981.

U.S. Department of State. International Information Programs. *About America: The Constitution of the United States of America With Explanatory Notes.*
Washington, DC: U.S. Department of State, July 2004.
http://usinfo.state.gov/products/pubs/constitution/

Wolfe, Alan. *One Nation, After All: What Middle-Class Americans Really Think about God, Country, Family, Racism, Welfare, Immigration, Homosexuality, Work, the Right, the Left and Each Other.*
New York: Viking Press, 1998.

Государственный департамент США не несет ответственности за содержание и доступность ресурсов других перечисленных выше агентств и организаций. Все ссылки на ресурсы Интернета были действующими по состоянию на 30 декабря 2004 года.

РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТА

АИП: Американский институт предпринимательства: изучение социальной политики:
общественно-политические исследования
http://www.aei.org/research/default.asp?filter=social

Брукингский институт: темы научных исследований
http://www.brookings.edu/index/research.htm

Гуверовский институт, Стэнфордский университет
http://www-hoover.stanford.edu/

Фонд семьи Кайзер: иммиграция в Америке
http://www.kff.org/kaiserpolls/pomr100604pkg.cfm

Библиотека Конгресса США
http://www.loc.gov

Библиотека Конгресса США: память Америки
http://memory.loc.gov/ammem/

Манхэттенский институт
http://www.manhattan-institute.org/

Информационная справочная служба по вопросам народонаселения: американский народ
http://www.prb.org/AmericanPeople

Информационная справочная служба по вопросам народонаселения: раса и этническая принадлежность
http://www.prb.org/template.cfm?template=InterestDisplay.cfm&InterestCategoryID=244

Смитсоновский институт
http://www.si.edu/

Бюро переписи населения США
http://www.census.gov/

Бюро переписи населения США: краткие данные переписи населения 2000 года и специальные доклады
http://www.census.gov/population/www/cen2000/briefs.html

Служба гражданства и иммиграции США
http://uscis.gov/graphics/index.htm

Служба гражданства и иммиграции США: Бюро гражданства
http://uscis.gov/graphics/citizenship/index.htm

Международные информационные программы Государственного департамента США: многообразие в США
http://usinfo.state.gov/usa/diversity/

Международные информационные программы Государственного департамента США: американское общество, его культура и ценности
http://usinfo.state.gov/usa/

Национальное управление архивов и документации США
http://www.archives.gov/index.html

Национальное управление архивов и документации США: выставочный зал
http://www.archives.gov/exhibit_hall/index.html

Национальное управление архивов и документации США: опыт национальных архивов
http://www.archives.gov/national_archives_experience/index.html

Национальное управление архивов и документации США: наши документы
http://www.ourdocuments.gov/index.php?flash=true&

Институт городского развития
http://www.urban.org

Институт городского развития: исследования иммиграции
http://www.urban.org/content/IssuesInFocus/immigrationstudies/immigration.htm

Институт городского развития: тематические исследования
http://www.urban.org/Template.cfm?Section=ByTopic&NavMenuID=62

Государственный департамент США не несет ответственности за содержание и доступность ресурсов других перечисленных выше агентств и организаций. Все ссылки на ресурсы Интернета были рабочими по состоянию на 30 декабря 2004 года.

ELECTRONIC JOURNAL FROM THE U.S. DEPARTMENT OF STATE
BUREAU OF INTERNATIONAL INFORMATION PROGRAMS

http://usinfo.state.gov/